

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1927
Nо
15

С М Е Н А О Т В Е Ч А Е Т

КРАСИВОЙ ДЕВУШКЕ

Мухину (Бийск). Откуда у вас такое институтское нутро и стиль? Вам бы ум темы брать соответственно стилю: «о цветах», «о лунах, нючах»... и пр. Право же смешно, когда комсомольский коммюзен находим у художника «вслед смотрят с тоской» и даже, подметая под, «умыкает тихо романсы».

Анатолию Рэкс (без адреса). Ваше стихотворение «О глядящем» вышло блестяще. Вы стали на ходули, нам не видно вашего лица.

Спуститесь «к нам» и поговорите с нами не о туманном грядущем, а о чем-нибудь более понятном и простишем человеческого языка. А то вы ведь вон куда загигаете: «Пророк зародился над миром...» и пр. такое.

Кур и иконо (Харьков). Ваш очерк «Кадаринцы птицащат». Птицащат строи — несмотря на еще совсем сырье выражение (выражение, кстати, с яркими красками сахара и «принесением новых ботаников»), все же заинтриговал нас. Есть хорошие образы. Чувствуется хороший глаз — умевшие выбирать нужное из многих неуменивших. Наши нащему это всегда бывает очень трудно. Довольно экономная в словесном материале и четкая по мысли фраза. Это тоже большое достоинство для начинающего. Пришли еще что-нибудь.

Жданов (Вичуга). И что за заслуга — какой тужитись под Есенина? Странно здирати и хулиганить.

Так, мы вам и спасибо, смирились, человек, вон вон даже ветер и тот обидеть может, не как прокрич.

«Дует мне в лицо и спину, Радищев тело во частях».

Асанину (Полтава). Ну и страшная же ваша «девушка»:

«Волосы — коньяк ржаной соломы, Пахнут полем и сохой И глаза блестят ржано».

Смотрят так и жажде, Что глаза сейчас спопами Зашумят, как рожь И во мне, когда их вижу, Пробегают дромы».

Что и говорить, нас и то в прохладу кинуло. Это, так сказать, описание отдельных прелестей, а вот общий облик:

«Вся она — как сноп соломы, Счастлив притяг».

О вкусах, говорят, не спорят. Кому нравится девушка, «как сноп соломы», кому — «качан капусты».

Нам ли удивляться кипризам повышенной влюбленности.

Второе — это же стихотворение «О девочке», но не этот раз она почему-то совсем без волос (однако подняли узорчат). Чтоб мы не подумали, что это ошибка, автор повторяет об этом много раз; первый раз он и сам удивляется:

«У Хальтачи на голове нет волос (Как это ни странно!), У Хальтачи на голове — овес, Целий овсяной тачан (мерз!), Пьяный, полный браги овес. У Хальтача на голове нет волос (!!) и пр.

Ну, и чудак же вы, Асанин. А что вон сделала луна, за что вы ее так спрятали? «У вас она желтая, мутная, с ослеплением, как яичный желток...».. .. и т. д. И вон сказана, сияющая в бок... не дотяга... да урока.

И политически вы ее дискредите-руете:

«Так пятачком ломаным, медным Царюн двуглавым орлом И веет от этого чём-то старым, Ведь этак было и встарь».

Ну и Асанин, он хочет на луну падать пионерским галстуком!

Н а з о л и в о м у . Вот уже это верно, назойливы вы, как муха. До каких пор буде вы испытывать наше терпение? Смотрите ответ «Вечернему», «Гарнову» — это, ведь все так же, как же догадывались вы, что это было лицо.

Д а й я ч е н к о в (Симферополь). «Жизнь, как она есть» или «прощано» — не рассказ и даже не письмо воином: от вашего воиномара слабо пахнет морем. Это просто рассуждения о любви, половиной вопрос, половина и пр. — очень прописные, скучные и наивные по провинциальным претензиям. Ни сюжета, ни композиции ваша вещь не имеет. Язык нудно прозаический.

О л ь х о в с к о м у (Самара). «Трое и брюки», к сожалению, «Смены» — подходят тематически. Но они — не письма. Попробуйте на него сделать коммюзен: сцена — тема очень благородная.

Над настоящей редакцией расказка все же советует поработать, почитать, скорратить. Одно и то же смешное положение, повторенное неисчисльно раз, теряет свою оструту — это называется переселом. Таких пересолов в вашем рассказе много, несколько раз, растянуто. Нехорошо, что вы называете свою вещь «романом». Попытайтесь что-нибудь другое. Сочините из комсомольского быта, из быта рабочих молодежи.

Ж у к у (Харьков). Вы хотели «разрешить урывать минуты времени», посыпав пачечку стихов. Очень легко грамотно напишите вы, тов. Жук:

«Отсюда вижу я долины, Об этих (?) тенью зависе- да.

Река текет в зеленою роще... н. т. д.

Трудно читать вас — ни рифмы, ни размеры, а до смисла добраться — это требует много минуточек взя- ли вы у нас? Не вы совет — прежде всего учите писать, а не читать, читайте больше и, если на стихи не тянуть не перестанут, присылайте нам еще наши минутки не жалеите.

Ж и р к о в (Астрахань). Очень некоренно поступили ваши родители:

«Под землей они след свой скрыли, И потому я остался в виде та- ком».

«Красивой девушки», в ответ на которую были опубликованы стихи «Красивой девушки» Жарова, а затем пытаются ставить, если не разрешать вопросы, остро интересующие комсомольскую общественность.

Поэтому книжка «Красивой девушки» является интересной не только как поэтический сборник, но и как материал общественный.

Рабочий молодежи надеялся прочитать эту книжку. Издания она «Молодой Гвардии» очень хороши. И idea для стихов не столь убийственная.

А. А.

Основой книжки является известная стихотворная дискуссия, начатая в «Комсомольской Правде» И. Уткиним

Ф. Турченкову (ст. Свеженецкую). Для журнала «Смены» Уткинша комментарий, сожалеющий, что подходит. Всё слишком сожалеющим, не подходит. Всё слишком сожалеющим, не подходит и не обходится по форме.

К. Сретенскому (Вологда). Присланый набросок написан живо и с некоторыми положительными литературными данными, но рассказаный эпизод малознакомителен сам по себе, чтобы он смог достаточно полно иллюстрировать поставленную тему.

Л. Клану (Одесса). Как пробовать, выше стихотворение имеет свою особую ритмичность и некоторую завершенность в настроении. Но много и забываю — тяжелые и малоинтересные эпитеты, срывы рифм: «цепенеть — наезд», «спасибо — спасибо», бедусканская метафора: «рубиновая приязь — поход». От этих недостатков и главным образом от несколько искусственного поэтизирования темы следят ослабодействия. Попытайтесь в другой раз.

И. Титову (ст. Шклов). Попробуйте отвечать не на ваши вопросы: «писать вам или нет», а на другие: «стоит ли вам учиться? Да, вам необходимо сделаться грамотней».

Н. Цехановичу (Ленинград). В наших сихах вы механически сплели слова, они не организуются вами в ритмическую последовательность. Вообщем ваша речь — это сплошная. Все это от того, что у вас крайне беден запас слов, что вы способно усвоить ритмическую речь вообще. Вам необходима еще самая первоначальная самообразовательная работа.

Е. Островому. «Мне счастье на при både... Кто то сладко перегрыз». С этого все и началось — вся чертова...

«Подхватил, понесло», И уж ничего не разобрать, то ли: «месяц голубую странности лягть», то ли сам автор подливает чай, чтобы:

«обивал яичным звездным дарованием».

Лучше уж нам и не вспоминать. М е т а л л и с т у (без обозначения адреса). «...Нет! Смакун слезы рукою тяжело, крикнув, запла- ка мужик... Противоречивость

смысла: смакун слезы и вместе с тем «заплакал» мужик.

Римма: «заключенный — ходит», «спокойно — народную», «открытое — вину», иначе говоря, лирика отсутствует. По повороге, первый был бы хорош. Первые ваши стихи очень слабы, да, да, да, что, получив некоторые наставления в теории, вы будете писать лучше.

Б е с с о н о ву (Рязань). Мы помним, что письме стихов вам стоит отложить на некоторое время, послав это самому образованию. Такие обороты речи как:

«...Голод лютый обицца съем тебя»

или
«Шутки нарушили покурива- ший лес, сандовствуют о плохой ви-

шеватности.

Б е с с о н о ву (Рязань). Мы помним, что письме стихов вам стоит отложить на некоторое время, послав это самому образованию. Такие обороты речи как:

«...Голод лютый обицца съем тебя»

или
«Шутки нарушили покурива- ший лес, сандовствуют о плохой ви-

шеватности.

ПРИСЛАННОЕ НЕ ПОДШЛО

Любимому (Конотоп). Гав- бергер (Бутырская). Весен- нику (Кронштадт). Греко- вику (Симферополь). Гав- бергерову (Кременчуг). Паженскуму (Прилуки). Воронцову (без адреса). Гав- нику (Коростень). Ветлужес- кому (Коломыя). Б. К. — (Москва). М. Г. (Брацлав). Береславскому (Луганск). Мягелину (Забал- кальев). Власову (Никитиново). Масенскому (Вятка). Залев- скому (Поморье). Игорю Вес- воложскому (Усть-Ижоры). Бу- леву (Ахтырка). Гинесовско- му (Киев). Ткачеву (Полтава). Матвеевскому (Липецк). Д. Лугачу (Полтава). Малкову (без адреса).

МАТЕРИАЛ СЛАВ. ПОМЕСТЬЕ НЕ МОЖEM

Шумяцкому (Чернигов). Ко- новалову (Самара). Шилову (Москва). Лозовскому (Старобельск). Хородницкому (Иривеи). Дубровскому (Москва). Самсонову (Тула). Еатину (Белев). Нике- теву (Славгород). Баскакову (Борисоглебск). Решетову (Орел). Аса- нику (Полтава). Соловьеву (Москва). Лукину (Харьков). Денисову (Симферополь). Матвеевскому (Липецк). Д. Лугачу (Полтава). Малкову (без адреса).

МАТЕРИАЛ СЛАВ. ПОМЕСТЬЕ НЕ МОЖEM

Шумяцкому (Чернигов). Ко- новалову (Самара). Шилову (Москва). Лозовскому (Старобельск). Хородницкому (Иривеи). Дубровскому (Москва). Самсонову (Тула). Еатину (Белев). Нике- теву (Славгород). Баскакову (Борисоглебск). Решетову (Орел). Аса- нику (Полтава). Соловьеву (Москва). Лукину (Харьков). Денисову (Симферополь). Матвеевскому (Липецк). Д. Лугачу (Полтава). Малкову (без адреса).

МАТЕРИАЛ СЛАВ. ПОМЕСТЬЕ НЕ МОЖEM

Шумяцкому (Чернигов). Ко- новалову (Самара). Шилову (Москва). Лозовскому (Старобельск). Хородницкому (Иривеи). Дубровскому (Москва). Самсонову (Тула). Еатину (Белев). Нике- теву (Славгород). Баскакову (Борисоглебск). Решетову (Орел). Аса- нику (Полтава). Соловьеву (Москва). Лукину (Харьков). Денисову (Симферополь). Матвеевскому (Липецк). Д. Лугачу (Полтава). Малкову (без адреса).

МАТЕРИАЛ СЛАВ. ПОМЕСТЬЕ НЕ МОЖEM

Шумяцкому (Чернигов). Ко- новалову (Самара). Шилову (Москва). Лозовскому (Старобельск). Хородницкому (Иривеи). Дубровскому (Москва). Самсонову (Тула). Еатину (Белев). Нике- теву (Славгород). Баскакову (Борисоглебск). Решетову (Орел). Аса- нику (Полтава). Соловьеву (Москва). Лукину (Харьков). Денисову (Симферополь). Матвеевскому (Липецк). Д. Лугачу (Полтава). Малкову (без адреса).

МАТЕРИАЛ СЛАВ. ПОМЕСТЬЕ НЕ МОЖEM

Шумяцкому (Чернигов). Ко- новалову (Самара). Шилову (Москва). Лозовскому (Старобельск). Хородницкому (Иривеи). Дубровскому (Москва). Самсонову (Тула). Еатину (Белев). Нике- теву (Славгород). Баскакову (Борисоглебск). Решетову (Орел). Аса- нику (Полтава). Соловьеву (Москва). Лукину (Харьков). Денисову (Симферополь). Матвеевскому (Липецк). Д. Лугачу (Полтава). Малкову (без адреса).

МАТЕРИАЛ СЛАВ. ПОМЕСТЬЕ НЕ МОЖEM

Шумяцкому (Чернигов). Ко- новалову (Самара). Шилову (Москва). Лозовскому (Старобельск). Хородницкому (Иривеи). Дубровскому (Москва). Самсонову (Тула). Еатину (Белев). Нике- теву (Славгород). Баскакову (Борисоглебск). Решетову (Орел). Аса- нику (Полтава). Соловьеву (Москва). Лукину (Харьков). Денисову (Симферополь). Матвеевскому (Липецк). Д. Лугачу (Полтава). Малкову (без адреса).

МАТЕРИАЛ СЛАВ. ПОМЕСТЬЕ НЕ МОЖEM

Шумяцкому (Чернигов). Ко- новалову (Самара). Шилову (Москва). Лозовскому (Старобельск). Хородницкому (Иривеи). Дубровскому (Москва). Самсонову (Тула). Еатину (Белев). Нике- теву (Славгород). Баскакову (Борисоглебск). Решетову (Орел). Аса- нику (Полтава). Соловьеву (Москва). Лукину (Харьков). Денисову (Симферополь). Матвеевскому (Липецк). Д. Лугачу (Полтава). Малкову (без адреса).

СОДЕРЖАНИЕ:

СПОРТ РАБОЧИХ ЗАПАДА. М. ПЛАТОШЕВ — В лесу. (Рассказ). П. ЛСПАТИН — Единственный в мире. (Очерк). И. БОБРЫШЕВ — В борьбе за нового человека. В. МАЛЮГИН — Опробовавшая Татьяна Каляникова. П. ГУРОВ — Виноват ли? (История выходца из села). Г. БЕРГМАН — Не в губах суть. Ф. БОРИСОВ — 200.000 вел. «подъездов». — ГРАНДИЗНЫЙ ВЕЛОПРОБЕГ МОСКВА — ЛЕНИНГРАД. ДУСЬКА БОЛЬШАЯ ВЫБИРАЕТ ЖЕХИЗНА — Из рассказов Ирины с Октбрьской. В. МАЙКОВ — На тюленей. (Очерк). А. ПАЛЕЙ — Гольфштадт. (Фантастич. повесть). (Продолжение).

Стихи Дж. АЛТАУЗЕНА.

«Смена отвечает».

РЕДАКЦИЯ

Москва: Новая площадь, Черкасский
переулок, д. 3/4. Тел. 3-29-88

Рукописи принимаются, написанные на
шарике или четко от руки на одной сторо-
не листа

СМЕНА

ДЕУХНДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЁЖИ

ИЗДАНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЁЖИ
ИЗ-ВО «МОЛОДЫЙ ГВАРДИЯ»

№ 15

А В Г У С Т

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД

На 1 год — 24 ном.	3 руб. 60 коп.
• 6 мес. — 12 •	1 • 90 •
• 3 мес. — 6 •	1 • 35 •
• 1 мес. — 3 •	1 • 20 •
Отдельный №	35

Положение принимается в Главном Контроле
Периодических Изданий Из-ва «Молодая
Гвардия», Москва, Тверская, 57

1927 г.

СПОРТ РАБОЧИХ ЗАПАДА

НАЛЕВО ВВЕРХУ: ФИНИШ ЭСТАФЕТНОГО БЕГА
4 ПО 100 МЕТР. ПОБЕДА ВЫРЫВАЕТСЯ НА ПОСЛЕД-
НИХ МЕТРАХ.

НАПРАВО: МАССОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ ЖЕНЩИН-
РАБОТНИЦ НА СТАДИОНЕ В БЕРЛИНЕ

ВНИЗУ: СОВЕТСКИЕ ТЕННИСИСТЫ В ГЕРМАНИИ

С большими трудностями рабочий спорт на Западе выивается из-под влияния буржуазии.

Буржуазия прекрасно уча, как велико значение об'единения рабочих, хотя бы и на спортивном поприще.

Сейчас за границей хозяева больших предприятий на свои деньги оборудуют вблизи места работ и жилья рабочих стадионы. На первый взгляд кажется странным: откуда у заводчиков такая заботливость о народном здравии?

Присмотритесь поближе и вы поймете, что это сделано с явной целью контролировать свободное время рабочих.

Но если буржуазия замыкает спортивные организации полем фабрики, то социал-демокра-

тические спортивные организации всеми силами обергают их от влияния советских спортивных смен. Очень показателен пример с поездкой Олимпиадой.

В буржуазных странах существует обычай организовывать каждые четыре года так называемые «Олимпийские игры».

Последняя Олимпиада была в 1924 г. в Париже. Мы на ней не участвовали, равно как и все сеансии, примыкающие к Красному Спортивному. Не участвовали и рабочие спортивные союзы, объединенные в социал-демократической Люксембургской Интернационале. Они устроили свою рабочую Олимпиаду в Германии, во Франкфурте на Майне. Несмотря на революции, которые

выносились отдельными рабочими спортивными организациями, целями союзами и даже странами о до-
пущении СССР на Олимпиаду, вожди Люксембурга, чтобы потерять свое влияние, всеми силами вос-
противились этому.

Лишь в прошлом году, например, под давле-
нием рабочих масс руководителям пришлось
уступить, и они согласились на организацию
русско-германского комитета единства.

Это является первым шагом к установлению единого рабочего спортивного движения во всем мире.

В противовес буржуазной Олимпиаде мы в 1928 г.
устранив всесмешную рабочую Спартакиаду, на
 которую с едущими лучшими силами пролетариата.

всю душу яичке отдал, и главное, девчак на долю выводить, а то мы все вдруг... Эх, только бы не срезаться!

Нет, не спержать Пане радости, так и отстраивается она в глазах, как показалось Сережке, это называется, как у ребенка малого. От улыбки лицо детское, шаловливое, поблескивают мордаштылько ресницами длинные.

Заглянула Сережка в лицо ей и тихо с досадой выдала:

— Пани, а сознайся, ведь за мордочку тебя выдвигает райком?

Улетела Паня мыслями на чайку новую, не слышит.

— А, Пань?

— Чего?

— За мордочку, говорю, красную тебя райком выдвигает.

Засмеялась:

— Ну, ну, ты поосторожней.

Да чего факт. С секретарем гуляла, вот он и того. А кого нужно, работников старых, на изах маринует.

— Ересь ты, Сережка.

— Да не брось. Не знаю я ихней политики?

Известная лавочкика.

— А тебе досадно? Старый комсомолец и никаку! Тебя было надо секретарем сидеть. Эх, Сережка, если бы дынька на дыне вперед, я бы тебе радостью уступила, а теперь нет, никому не уступлю.

И страшно, и боясь, а нет — самой хотела.

Молчал Сережка угромо. Забродили думы старые, и рука ослабла под мышкой у Пани. Шев ноги, но спала ее смеха шаловливого. Поклонилась на шинши, ударила ее. Через шаг на пленек споткнулся и полетел бы... — Пани за руку удернула.

— Хах, ты... разуй глаза.

Очнулся Сережка, крепче взял ее под руку, и вдохнул, весело заговорил:

— Ну, что ж... языкаль, Панюш, не трусь только. Дуй во всю шашбаш. А я буду приходить к тебе на новую яичку, идет?

Пани остановилась. Радостно заглянула в глаза.

— Право, Сереж?.. Вот хорошо-то. У тебя все-таки большие опыта, хоть посоветоваться. Знаешь, ждать будут?

— Ага.

Они всплыли на большую, похожую на подкову поплавку. Луна поблескивала на морском краешком выплыла из-за яичуркой ели в конце поклонов. Остановились у молоденой берески. Сергей задумчиво оббрал ее зеленым, уже засыхающим цветом, и на поклонку. Поплыли сквозь тучи устланы зеленою, местами торчащими травой. Молоденые частые ели с синими иглами распахнулись по берегу, а за ними уцело тянулись только стволы сосен.

Тихо. Куда ни взгляни — ососы, ели да березы сероватые замыкались в сплошной, бурый круг.

Сергей тяжело вздохнул, хотя на губах его играла повольная усмешка. Притянул к себе Пани, сказал ласково:

— Панек, что мы с тобой шатаемся все, давай посидим?

Он покхватил ее за руки, раскачкал, как ребенка, и, не выпуская из рук, посыпал рязью на собой.

— Здорово, Панек, а? Еще? Ну, не буду, не буду.

Он совсем привиделся к ней, сплелил ее узкие плечи своей комсомолки и повернулся, как куклу, лицом к себе.

— Тепло.

Она ласково кинула головой.

— Только от своей экскурсии далеко мы ушли, Сереж, заблудимся.

— Чего-о?

— Ох, гора каменная, посмотрим, как яичек помогут будущим. Потом уседем по-убогие, голову ей на плечо положим и тихо стал гладить ее полуоткрытую грудь.

Пани молчала. Она чувствовала на щеке и на щеках его теплые бегающие пальмы, чувствовала, как Сергей нежней крепче прижимается к ней.

Он заговорила о яичке, но Сергей сердито проворчал.

— Ересь, Панек, сказал раз...

... Довольный и счастливый он опрокинул ее на спину...

Неожиданно быстро и крепко поцеловал ее губы и опять спрятал лицо.

Пани чудно сжалась, закусила губы и отвернулась пройти. И как-то сразу пропала к Сергею воспоминания доверчивости, пропало тепло товарищеское чувство. «Я в этих делах-tonко разбираюсь» — вспомнила она слова Сереги и почему-то подумала, что весь разговор он заводил для того, чтобы лучше войти в доверие. И раньше знала Серега, но давно уже не помнила, как он выглядел. Он переменился. Его теплое пылкое непрятно стало грустью.

Посмотрела на его пышный затылок, помешкалась, хотела оттолкнуть, но вспомнила что-то и опустила руки.

Минуты две сидели не шевелясь, потом Сергей крепко, насквозь хватил сил, прижал ее к себе и взволнованно выронил:

— Панек?

Молчала. Но чувствовала: грусть ее заколыхалась выше и ниже, даже губам приподнялась. Улыбнулась. И у самого губы загорелись. Занюх сердце приятно и мягко. Поцеловал опять, веяло, заглянул в лицо, но ничего не прочитал на руках.

Курточка спала. Будто невзначай стяжия ее с Пани и незаметно, нервно стала стягивать ее одной рукой за Паниной спиной.

Снова в ее щеки всплыли и медленно начали покачиваться взще и вперед. Задержал в наклонном положении, прислушалась. Только два сердца глухо и коротко стучали наперебой. Одно вторично, повтористо, а другое ровно и редко.

Звонкая почечница рассекла тишину. И не почечница, а будто широкой доской шлепнули по голому мягкому телу.

Пани обеими руками толкнула его в зубы и вскочила как горячимени глазами.

— Что, стерва, хорошо?

Правая щека у Сереги красная, левая поблескивала, будто грик наложени разноцветный. Одно яко, как мясо сырое — вот-вот лопнет и брызнет кровью.

Он взял занюх на плечо комажку и встал. Ухмыльнулся Пани в лицо.

— Значит с секретарями да с шишками можно, а с ними нет?.. Мелки, да?

Он кинжалом обварил Пани. Подскочила, затряслась кулаком перед носом.

Замолчи, подиен.. А то еще так по щекам нахлеста... — Вздохнула с горечью и слюной, опустила руку... — Эх, сволочи. Ни с каким парнем нельзя поговорить по-товарищеским. Только выдумши дивчина, как на мел набросяется... А вижу тоже... Разверзла сама, а потом кричите на всех перекрестках: «комсомолки наши разверзенные»... Эх-х... — отвернулась, прикусила губу, придавила рукой ходившую грудь.

Сергей с усмешкой сплюнул:

— Тебя не развертишь... Сама любому вперед дашь стручков... Со скользкими уж, не поминь?

Утерпела Паня, только, чтоб не упасть, ухватилась за ветку берески.

— Нет, Серенка, не поми... Только вот какого вреда меня из союза не гоните, а?.. Ведь я вдовица я... Дурную гравю из поля ин... А у вас ведь фактов-то нет, а где факты? Чем доказаешь? Тогда слово. Эх, сволочь, хоть бы раз разумел, что я вспомнила подумали.

— Да броши хмыкато-то, слески-то чистые лить. Ум известная. Все знаем.

Засмеялась Пани. Не весело, слезами засмеялась, но горячо и как-то взглило и сухо, будто с бояль выдавливала из себя этот смех.

— Ага, я известная... То-то и хотел меня взять в один вечер. А других по месиин обрабатывалась... Но не такую напал, Серенка. Я была с первого раза пощечине, закатали, но ходила трусом, ухватила на грудь, сколько нахальства у тебя имелось.

Она ушла на траву, тянула горячим лицом в руки, — бороды и застыла, как огромный сковоренчатый щиток.

Постоял Серенка над ней и опять ухмыльнулся.

— Гадина... Тоже чистую на себя стропт.

Не слышала Пани, когда он ушел. На сердце пустота, ни охоты, ни желания. Приводило все пудовую тяжесть, какая бывает после большой бани, когда вылезешь в тепле, обессилен, а она все лавит и давит, и кажется, не подымешь ее оттуда. Медленно перебирали Серенкины слова, вспоминали оттенки его голоса и жесты, уходящие в прошлое. Они вспоминали последние известия о ее яичке, ласчав, разговоры, и обида заматывалась в груди огромным липким клубком. И не только за себя обида, а за всю яичку, за всех девчат.

— Известная стала... с горечью бормотала она, и губы ее кривились в жалку, смешную улыбку. — Как же я с этой известностью на новую яичку приду.

Она хотела воскликнуть даешьнюю-ехоту к работе и не могла. Было все равно стало: секретарем или просто комсомолкой.

Но сколько пролежала на холмской траве, когда Серенка ушел, опять вспомнила. Пот деревенским деревом было видно рыжую хвою и широкие широкие шишки. Гуки усыпали синими мурасками. Тело сильно и коротко вздрогивало. И приподняла направление, уничтоженная, разбитая, пошла наизгурь к своим.

Лишилось опущенным, бледным, взягия сквохом, мертвых.

Осила легкая роса. Ботинки заблестели и облепили хвоей. Носки отстрикли. Пани вспомнила, что трудно приходилось выходить на дорогу, как приходилось бороться с матерью за

ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ

Очерк П. ЛОПАТИНА. Фото Ф. ЗУБКОВА

Из живой, расплющенной в особой ванночке, лягушку лаборантка вынимает сердце для того, чтобы заставить его потом жить вполне самостоятельно на краюхе нескольких десятков часов.

На тихой Погодинской улице, затерянной среди пустыней и зданий дворов громадных университетских клиник Девичьего поля, в большом старом салу стоят многоэтажные здания оригинальной архитектуры. Во втором этаже этого здания в крошечных комнатах-лабораториях расположены единственные в мире научные институты: здесь учёные работают над тем, над чем можно работать только у нас в Советском Союзе... — над охраной труда рабочих.

Можно смело сказать: наш Институт Охраны Труда — единствственный в мире. Да это и неудивительно. Равно может капиталистический Запад серьёзно говорить об охране труда своих рабочих, когда основа его существования — закабаление этих рабочих? И разве может наше Союз обойтись без такого института, когда главнейшая задача наше-го существования — улучшение условий труда, содействие творчеству рабочих, а также полного и полного пренебрежения превратится в раболепство творчества? Государственный Институт Охраны Труда мог вырасти только у нас, в Советском Союзе.

Этот Институт еще очень молод (он открыт в мае 1925 г.), но и за этот короткий промежуток он сделал исключительно много.

Сердце без тела

Прежде всего о том, как работает Институт, так доходит он до своих интересных и важных выводов.

В одной из маленьких комнат на среднем столе, застекленном склянками, про-

бирками, колбами и бесконечным количеством трубочек, стоит страшный прибор: на крючке повешен какой-то маленький желтоватый мешочек, а на него сверху капает бесцветная жидкость. Этот мешочек живёт: он с точностью часовского механизма то скимается, то снова расширяется и с помощью прикрепленного к нему ручажка чертит на чёрном цилиндре кривую, изогнутую в виде спиральчишка. Он вымнется из лягушки и заставит жить спиральчик. Его вынули из лягушки и заставили жить спиральчиком от тела, «корыма» особой питательной жидкостью.

Выныти для того, чтобы изучить, как влияет на сердце человека один из самых страшных промышленных ядов — свинец. Он встречается в целом ряде производств — в типографии, при малярных работах, при изготовлении красок и свинцовых белзил — и вызывает тяжёлые колики, желудка и так называемый «свининовый паралич». До сих пор наука бессильна в лечении этих болезней. Даю больше: врачи не могут даже определить точно, когда наступает это отравление и когда следует удалить отравленного рабочего с производства, чтобы не сделать это отравление неизлечимым и мрковным для него. И наш Институт взял на себя тяжелую задачу изучения этого вопроса.

Но как изучать этот яд? Ведь нельзя нарочно отравлять человека. И Институт тратит лягушку и первые очередь её сердце. В питательную жидкость, которая капает на повешенное на крючке лягушечье сердце, время от времени попадают яды. И сердце тотчас же отзывается на это отравление. Оно само «измеряет» о том, что оно чувствует при этом, точно иательно записывая свои ощущения с помощью прикрепленного к нему ручажка на безостановочно вращающемся цилиндре.

Жизнь без крова

Как бы хорошо ни работало лягушечье сердце, повешенное на крючке, оно все же работает в некорректной обстановке. Чтобы исправить это и хотят выяснить влияние яда на другие органы тела, Институт разработал исключительно интересный и оригинальный прибор.

У живой лягушки или крольчика в двух местах на спине делают проколы в них стеклянные трубы, соединенные с пустой стеклянной резиновой трубкой, баллоном со сжатым воздухом и проч. Пускав в действие маленький насосик, животное промышляют питательную жидкостью. Говоря проще — из него выгоняют всю кровь и заменяют её этой жидкостью.

Вы думаете — животное умрёт от такой операции? Ничуть не бывало: обескровленное животное продолжает жить и жить довольно долго (лягушка живёт, например, трое суток). А оно даёт возможность, прибавляя к питательной жидкости то или другое количество яда, наблюдать влияние его на органы исследуемого животного и изучать отравление свинцовыми ядами живого человека.

Завод под стеклом

В целом ряде производств — в красильнях и сушильнях, в горячих цехах текстильного производства, в горных фарфоро-фаянсовых фабриках, на металлообрабатывающих заводах — царят исключительно высокая температура, доходящая иногда до 70—100 градусов. И до сих пор ни у нас, ни за границей никто не знает, как влияет эта температура на организм рабочего, как предохранить его от этого вредения и спланировать работу в горячих цехах безвредной технологией.

К решению этого вопроса Институт пошёл так же оригинально. Позади одной из своих лабораторий из толстого стекла построена закрытая со всех сторон камера, обёмом в 42 куб. метра. Благодаря целой системе сложных приборов эта камера может превращаться по своим внешним атмосферным условиям: то в горячий фарфоро-фаянсовых фабрик с его 90-градусной жарой, то в сушильный текстильной фабрики с 45-градусной температурой и влажным воздухом, то в горячий щёлк любоф пропицательства. И вот тут-то в искусственно созданных

Испытуемый в стеклянной камере при температуре в 45°

СПЛЕВА: Лаборант записывает по стеклам своих приборов за работой организма испытуемого, лежащего в стеклянной камере

ВНИЗУ: Лягушечье сердце, подвешенное на крючке, питается особым питательным раствором и живёт трое суток, чертит на чёрном цилиндре (слева) кривую своей работы, показывая, как влияют на него различные промышленные яды.

СПЛЕВА: Испытуемый, энергично работая ногами на педали, позволяет новому велосипеду, позволяющему ему работать, измерительными приборами наблюдать за работой его внутренних органов

человека и происходят исследования на живом

человека, которого для испытания вводят в камеры. Его ноздри смыты особым зажимом, чтобы он дышал только ртом. В рот вставлена толстая трубка, которая, как змея, извивается по полу камеры и исчезает в маленьком отверстии в толстой стеклянной стене. Голая спина окружена гутаперчевым канатом, а на обнаженной руке надета резиновая манжетка. И все это гибкими трубками соединено со сложными приборами, стоящими вне камеры. Сияя около них, лаборант по циферблатам приборов, по его термометрам и счетчикам каждую минуту точно знает, как работают органы испытуемого человека. Так исследует Институт влияние высокой температуры в горячих цехах на здоровье рабочего.

Лучший в мире респиратор, выработанный нашим Институтом

Что сделано Институтом

Теперь о достижениях Института. Несмотря на то, что он работает только 2 с лишним года, результаты этих работ громадны.

Прежде всего Институт разработал лучший в мире респиратор (маску) для работы в пыльных помещениях. Насколько он удобен, легок и хорошо показывает хотя бы то, что изготовленные Институтом респираторы, переданные для опытов на производство, не возвращаются рабочими.

Так же лаборатория выработала очки для работы в тех цехах, где осколки обрабатываемых предмет-

Испытание в психотехнической лаборатории

тов могут поранить глаза. Стекла этих очков устроены так, что их трудно разбить. Но даже разбившись, они ни в коем случае не могут поранить глаза.

В красильных текстильных фабриках стоят «цингерсы» — большие чаны, в которых кипят краски. У наших и заграничных инженеров после частых попыток сломилось твердое убеждение, что нет никакой возможности удалить из помещений те вредные пары красок, которые поднимались из этих динкерсов. Институту удалось придумать оригинальную систему вентиляции этих паров, и следовательно, значительно однозначно улучшить работу в красильных отделениях.

Заметив, что многих отравлений на текстильных фабриках происходит от ядовитых паров анилина, входящего в состав красок, Институт нашел возможное уменье избавиться от этого яда. Помимо анилина, можно легко понять, содержание в воздухе его ядовитых паров. Этот новый способ, примененный на Трехгорной и Серпуховской фабриках, дал блестящие результаты.

Лаборатория изучает влияние высокой температуры на наша, что, как это ни странно, во время жары полезнее и лучше пить не простую, а соленую воду. Усовершенствования, введенные лабораторией на Дмитровской фарфоро-фаянсовой фабрике, не только сделали менее вредной работу в горячих, но и повысили производительность на 20%.

Изучая условия физической работы женщин, Институт нашел, что самый большой груз, который могут носить женщины без особого ущерба — 20 килограммов (50 фунтов), и сейчас в этом направлении проводит обязательное постановление через Наркомтруда.

Наблюдая иваново-вознесенских ткачей, Институт сделал вывод, что на утомляемость работниц гораздо больше влияют общие санитарно-гигиенические условия, чем даже переход на работу на три станка. Крупные опыты, произведенные на ряде фабрик, показали этот вывод, и теперь целый ряд производств перешел на три станка этой работой. Институт переведет работу на три станка, улучшая санитарно-гигиенические условия и этим добиваясь резкого подъема производительности при той же утомляемости работниц.

Изучая работу трамвайных кондукторов, Институт добился предоставления им свободного места у входа в вагон и этим значительно облегчил их тяжелый и нервный труд.

Испытуемый поднимает и опускает подвешенный на блоке груз и дает возможность лаборатории следить, как отражается эта работа на состоянии его внутренних органов

Лаборатория специодежды выработала целый ряд рациональных специодежды для целого ряда профессий, и теперь ее опытные костюмы, переизданные на фабрики, не возвращаются обратно: они оказались исключительно удобны, легки и хороши. Сейчас Институт принимает меры к массовому изготовлению этой специодежды, что несомненно не только поднимет производительность труда этой категории рабочих, но и сэкономит государственные суммы, потому что скверно разработанная специодежда быстро портится, требуя частой замены.

Наконец, особая психотехническая лаборатория разработала метод исследования профпригодности при подборе — металлистов, вагоновожатых, продавцов и т. п., и этим поставила на твердую научную основу набор новой рабочей силы.

Вот главное из того, что работники Института считают своими достижениями. Сюда совершение неходит то, на чём они работают и что они еще не считают окончательно разработанными вопросами. Но даже и этот сухой перечень говорит о громадной работе, проделанной за короткий срок этим изумительным, единственным в мире научным учреждением.

ОТПРЫСКИ ЧЕРНОЙ ВАРШАВЫ

Варшава из кожи лезет, стараясь походить на европейские столицы: все, что есть в буржуазных центрах мира, есть и в Варшаве — ночные кафе, танцевальные залы, шантаны. Там лихо шагают золотые «золотой молодежью». Но не только в басчетном веселье проводят дни наши «санонные пансион».

Не только в шантанах и кафе они проявляют свою натуру.

На нашем скрипке — одна из главных улиц польской столицы. По улице движется отряд фашистской молодежи. Как ни странно, эту демонстрацию не сопровождает полиция — открылась черная Варшава предоставлена полная свобода сборов и манифестиций.

Когда нужно, польские молодежи покидают учебные заведения и вместе с эндармьерами очищают улицы от митингующих рабочих.

Они ждут знака своего маршала, чтобы...

Мы знаем для чего по столице движутся их отряды!

Стихи Д. АЛТАУЗЕН

Рис. М. ХРАПКОВСКОГО

Завали пыльные песы,
Еще далеко до рассвета,
Как замок старинный, часы
Стоят за кроватью поэта.

И кто-то
У струнных тенет
По замку стариинному шарит,
То медные гиря качает,
То в колокола гулко ударят.

И древние струны дрожат.
Рассвет
За датою дата:
Две черные пики лежат
На белом щите циферблата.

Как можно забыть навсегда
О том, что написано в книге?
Опять я, не зная куда,
Памы
На заброшенном бриге.

Безумый;
Курчавый матрос,
На палубе занятый делом,—
И в заркой Аравии рос,
Скользя на осанке белом.

Я мог бы матросом не стать,
И плавать
Беречь от затара,
Никак мы не можем пронять
Проклятый про�ан Гибралтара.

На рубах
Стоит капитан,
Предчувствием черным томимый,
Он знает рабой окей,
Как знаем мы тело любимой.

Стоит он,
Тяжелый, как дуб,
Нечесанные рижие баки,
И трубу не вырвать из губ,
Как кость у головной собаки.

Куда нас судьба днела,
А ветер, сметающий дюны,
Валы пыни до бела
Ибросил настручку буруни.

Синистый
Морской водосем
Раскрыла кипятковые краины.
Мы золото в трюмах везем
Из Индии
К Темзе туманной.

Матросы собирались кругом
И смотрят в подзорные дула.
Удары об головы гром,
И бури
С затяжкой вадохнула.

Городок посыпался град.
Мы томим,
Мы путаем миги,
Нирянем,
Пальяем наугад

На пахнущем крысами бриге.

Но в этот расколотый час,
Срыва
Размытую блузу,
Я крикну:
— Не бриг сейчас
Не место тяжелому грузу!

Мой голос
Мне гордо рассек.
Матросы рванулись угрюмо,—
Тяжелый, как дуб,
Человек

Навстречу им вырос у трюма.

— Назад! — закричала он,—
— К рудо!
Еще мы не смыты рассолом.
Я золото сдам
Королю,
Он ждет нас
За бронзовыми молом.

Удары нам в ноздри туман,
Мы томим,
Мы думаем думу,
Как дьявол, стоит капитан
У входа к тяжелому трюму.

Я вышел,
До дроби дрожа,
Над мачтами
Лопались тучи,
В руке моей отблеск ножа
Кометою брызнул астучей.

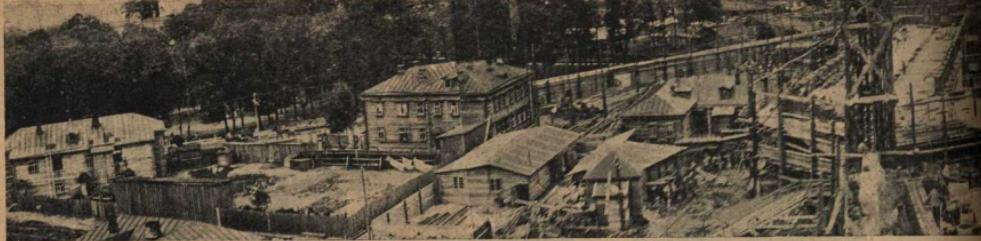
Упала он,
Рассыпалась чуб
Завыши вальм, как собаки,
И кровь,
Выбегая из губ,
Обутыми ржаве баки.

Смешалась зара с темнотой,
Три ночи в дикарском уборе
Кидали мы груз золотой
В шипучее,
Скоязкое море.

Подкинула нас в забоданный ваз,
Нырну в разлом окна,
За сияньем последним упала
Раскинутый труп капитана.

Я встал у разбитых пера,
Покорный морскому рассолу,
Наш бриг облеченный попала
Навстречу
Туманному молу.
...
Рассвет.
Загремел барабан
Под белым щитом циферблата,
Когда доочитала и роман
В издании «Господина».

Пора на работу, поэт,
На реде завмы сирены.
Пришел полосатый рассвет
И вмыла на улицах стены.

Неожиданно к глухой улице, затерявшейся в огромной столице, подъезжают нагруженные кирпичом и лесом подводы, и качается... Учинается строительство домов. Теперь уже не узнать этого глухого места, целыми днями грохочут топоры, визжат пилы. Каждый день место строительства становится неизвестным — возьмутся леса и каменные покровы устланы на стены.

Особенно складывается строительство в Москве. На Рогожке строится поселок Дубровка, состоящий из 40 шести-семистахиных домов. Это уже не поселок, а целый город. Тут и свою центральную станцию парового отопления, тут специальный корпус для кооператива и домоуправления. Но на нашем снимке панорама строящейся Ленинской слободы. Справа вы видите Симонов монастырь, за древними камнями которого некогда монголы отбивались от нашествия монголов.

Слева вы видите поля, — по ним бегут паровозы Окружной железной дороги. Строятся новый город для рабочих, новый ибо все в нем благоустроено и ничто не напоминает старых жилищ. В новых домах раны, паровое отопление и газ...

В ПЛОТНУЮ

(НАША РАЗБЕЗДА)

В БОРЬБЕ ЗА НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

О письме С. СКВОРЦОВА и дискуссии читателей. И. БОБРЫШЕВ

Бытовые вопросы — остры и волнующи. Особенно они остры и волнующи для нашей молодежи. Молодежь, только что вступающая в суроюю жизнь, естественно стремится устроить эту жизнь более радостной, светлой, менее тяжелой, чем она была у ее отцов и матерей.

В то же время бытовые вопросы имеют колоссальную важность для пролетарской революции, для социалистического строительства. Маркс писал, что пролетарская революция несет не только новую экономическую структуру, но и нового человека. Переоценка экономики — это неотъемлемая составная на новый лад и людей. С этой точки зрения бытовые вопросы и представляют для нас свою исключительную важность. Ибо где, как не в быту, находятся удел тех жизненных условий, которые оказывают одно из решающих влияний на формирование человека? Собственно говоря, сам быт и представляет собой этот удел жизненных условий. Борьба за нового человека без напряженного, самого пристального внимания к быту, без переделки быта — пустая фраза.

Иными говорят, пугают, что они являются свидетелями того, что есть ортодоксальными марксистами. «Новый человек создается сам на основе нового экономического строя». Чего нам особенно волноваться, с новой экономикой все равно нового человека не будет. Пустые головы, ничего не понимающие в марксизме! Они забывают о необходимости добровольных усилий. Рассуждая так, можно притянуть к отрицанию необходимости добровольности — «эклактизм падет сам, и без борьбы коммунистического солнце падет над грядущей землей».

В том-то и дело, что старое, каким бы прогнившим оно ни было, без борьбы, самой отчаянной, не на жизни, а на смерти, не спасется, и оно может падать самое живое. Такие же борьбы, как вспомнили общеизвестно в быту. Быть — самое невинное, тихим словесом, сильно остающееся от развития экономического строя. Добровольные усилия в перестройке быта нужны особенно значительны и упорные.

И затем, разве экономика у нас не переделана и не переделывается? Разве десять лет пролетарской революции не внесли в нее коренные изменения? Безусловно, внесли. Ни в какой степени отрицать этого никто не может, даже слепой. Эти коренные изменения в экономическом строе нашей страны создали все расширяющуюся базу для перехода от капитализма к социализму. Давно больше: интерес социалистического строительства настоящего требуют от нас создания нового человека. Социалистическому строительству этот новый человек и нужен до зарезу.

Борьба за нового человека — обязательная и вполне современная задача. Комсомол ведет и должен вести эту борьбу всей своей работой. Одним из наиболее важных участков борьбы за нового человека является быт. — Как лучше устроить новый быт, чтобы он способствовал становлению нового человека? Что в быту мешает созданию нового человека? — с какой точки зрения мы подходим к остройм и волнующим молодежь бытовым вопросам. Так подошли к нему и наш журнал, проведший дискуссию по открытому письму С. Скворцова («Разврат ли это?»), по очеркам т.т. Кетлинской и Галина и по фельетону т. Погофина («Алье губы»). Интерес, проявленный нашими читателями ко всем этим вещам, показал, что редакция журнала не ошиблась, начавшихся с них подняли перед молодежью действительно интересные, живущие для нее вопросы.

«РАЗВРАТ ЛИ ЭТО?» — ДА, РАЗВРАТ!

Мы меньше всего склонны выступать в роли непогрешимых проповедников, изрекающих обязательные заповеди. Так же не склонны мы неизменно прикладывать к каждому явленню отреченный ярлык, говоря: «в правильности его не смете сомневаться». Но мы за то, чтобы вещи назывались так, как нужно — своими именами. Это — обязательное условие. Разврат мы разываем называть и должны, а никак иначе.

На прямой вопрос т. Скворцова: «Разврат ли это?» — заканчивая дискуссию, можно сказать лишь одно: «На, несомненно, разврат». Тогда мы стараемся помочь своим читателям краине житро, но житро этого несомненно, ее разывает любой пинкер, имеющий впечатляющий в тюнер-отрыв.

Синтаксис Скворцова пишет, что у молодежи никаких там «проблем», «вопросов» и прочих сложных дел вообще не существует, и она их, по сути дела, знать не хочет. Вся беда, дескать, в том, что все эти «вопросы» лежат ручкой с «проблемами» идут от «блуждающего» — от газет и лекторов. Газеты, мол, вбодоражили молодые головы, и нынь пашли, как грибы после дождя, «проблемы». Если бы так обстояло дело, как представляется себе т. Скворцов, тогда разрешение всех «проблем разврата» было бы не особенно трудно. Ну и было бы оно, конечно, полезно (обратите внимание с гравадицами, а то снова появятся и начнут «булгары» и передадут всех лекторов (конечно вместе с их детьми) — вместе все это «лекторское племя»!). Тиши и глаша наступили бы после такой неслыханной операции. Мирно покралывали бы Скворцовы, никто бы не тревожился их беззмятежного сна.

Да, глупости же пишете, т. Скворцов! Кто вам поверит, что «зло» от «газет и лекторов»? Помянемся

только можно над вашим утверждением. «Проблемы» и «вопросы» — во-всемдоступны, существуют не от того, что этого захватил «ебенской ход» в виде журналистов и газетчиков. И, например, это так свирепо сердито, что даже самые обычные молодежи, сам же обличает себя рабочими, вспыхнувшими «ошибками».

А теперь по существу вопроса. Тов. Скворцов пишет: разврат у нас нет. «Наша молодежь не чуть не больше себе позволяет», чем кто был в старое время, до революции. Даже, я бы сказал, моя гораздо гигантнее и породичнее эпохи, чем родители наши, которые и к приступам часто ходили целиком комбинезонами. Ну, и что же? — зададим мы вопрос. «Что от того, что наши родители больше себе позволяли?» Вот где действительно с познанием проповеди. Но что же это значит? Разврат развязан для того, чтобы было больше пространства для того, чтобы в нем ходили комсомольцы целиком «надежмы»? Но они поры мы пумали, что революция должна привести как раз к обратному.

Никто не говорит, что наша молодежь — сквозь разрыва, это утверждают только самые заграничные «друзья» — Милковы, Либер-Чиксы и прочая пакость. Мы — против такой характеристики молодежи боремся и будем бороться. Но мы никогда не будем так замазывать уродливое в быту, как это делает т. Скворцов. Семейные публичные дома мы всегда будем называть разрвтом и против них также бороться.

Тов. Скворцов описывает, как помнят наши читатели, семейные вечера на которых собираются рабочие, какими-то образом на сцене подражают падреи в темную отдельную комнату, где, словами т. Скворцова, проносят «своевые эвакуации», или, как называют в деревне, «сквозные пробы делают». Такую мерТЬсть. Скворцов (долго было очень мягкий человек!) называет «особой формой колективного баловства». «Ни спорят, что это — безобразие», — пишет он. Ни разрвата все-таки даже и тут не видно. А видно одно: глубина и неуклюжесть краине, перенесенных из деревни в город. Да, т. Скворцов сидится на своем стуле комизма: перенеслись в рабочую молодежь — благодаря... — ну, конечно, газетам и лекторам.

Из-за чего же т. Скворцов, вы спорите? Если что, то что вы описываете, не разрвт, что же тогда разрвтом называется. Пусть глубина и неуклюжесть и правда! Согласны. Но кто это и с каким правом считает, что разрвт — это культура? Конечно, разрвт, от «грубости и неуклюжесть» краине, перенесенных из деревни в город. Да, т. Скворцов сидится на своем стуле комизма: перенеслись в рабочую молодежь — благодаря... — ну, конечно, газетам и лекторам.

Но не только в Москве кипит стройка. Строятся поселки на нефтяных промыслах, вздымаются леса огромных домов на Украине, в Ленинграде спешно проектируется постройка целого ряда красивейших зданий для рабочих «Красного Треугольника».

Десятки тысяч строителей и безработных получают работу.

Сильна нужда в жилищах, растут культурные потребности населения, и в связи с этим, как никогда, остро стоит вопрос о расширении жилстройства.

Специальные фонды, фонды улучшения быта, средства жилищной кооперации, комбинаты и субсидии госорганов,—все это идет на то, чтобы в дальней Сибири, землю Узбекистана, на Урале, в промышленных центрах, на копях и рудниках строились новые рабочие дома.

ПРИСТАЛЬНО

ЕКА В БЫТ

и предложили лучше называть это чубаровши-
ак—подходящей), но мерзкая сущность раз-
шла от этого, к сожалению, в лучшую сторону
никак не изменилась.

Тев, Скворцов удивительно напоминает ту
предыдущую бабу, — и это неудивительно, —
и на уши отвечает: во-первых, я их разбила, а они сами
забыли; во-вторых—я их вернула целиком;
и у т. Скворцова: во-первых, разврат нет;
вторых—это разврат, а «коллективное бат-
юшко»; в третьих—весь разврат получился от
тебя (баба, разбившая горшки, очевидно, была
старателем, иначе она сказала бы, что горшки
убийства... газетами).

Разврат, как его ни называй, в среде некото-
рых, на взгляд неизлечимой части молодежи
он находится в вопиющем противоречии со
нашими задачами и в первую голову с за-
данием создания нового человека. «Газеты инженера»,
и любопытно т. Скворцов, вся молодежь
хотела энергично бороться с этим беззульевым
сити, этим «коллективным батюшко».

НАУЧИМСЯ ЦЕНІТЬ ЧЕЛОВЕКА!

Ценить человека, своего товарища по станку, у-
чебной мастерской, по организации, учеб-
вольбе и всей жизни, надо именно научиться.
Чтобы научиться ценить человека. Хорошо, если это
ваш случай возвышенного небрежного отно-
шения даже к товарищу по робине, комсомольской
организации. И не только существо небреж-
ного отношения, но подчас определенно в раб-
ебомого. Тому примером «Шура с тек-
никой», о которой у нас писал в своем очерке
Галин. Подобных примеров можно было бы
навести множество.

Чаще всего эта небрежность проявляется по
отношению к девушкам, нашим девушкам-ком-
сомолкам. Конечно, бывает, с таким языком,
который часто наклевывает, но очень
редко помогают снять, отбит от ком-
пании. И эта этому—неумение ценить человека.
Человеку у нас знают не всегда. И растрата
много прекрасных товарищей, из которых
один из которых вы не можете прекрасные борцы
какое общее дело.

Мы умеем ценить человека. Многие считают
что разговоры об этом чем-то вздорны. «Ценить
человека—да ведь это склонность!». «То же, вы-
разает так же неумение!». «Чем же отличаются
комсомол и телевидение, учили как это было сказано,
и хорошо сказано. Что же касается спло-
щенок, то это ничуть, никаким краем не по-

хоже на умение ценить человека. Ценить человека,
это значит: глубокое внимание, товарищеский—
в первую очередь этого слова—полон в това-
рищескую помощь и попечительству ему
на нужную тяжелую для него минуту. Хорошо
изучена недавно в своем письме, опубликованном
в «Правде», Клара Цеткин:

«Существующие постановления промы-
шленности и других верховых принципов со-
циалистического строительства. Я имею
в виду умение высоко ценить человека
и человеческую жизнь. Это заставляет
общества работать в духе сохранения человеческой
жизни, с наполнением ее содержанием,
о пополнении ее на более высокий уров-
ень. Эта забота—один из маяков, ука-
зывающих путь советской политики».

Умение высоко ценить человека—не слюн-
тичество, а «верховный принцип со-
циалистического строительства». Это глубоко верно. Это так же верно, как верно,
к сожалению, в своем неумении в своей

повседневной работе применять этот «верховный

принцип».

Мы должны научиться его применять, должны
перестать быть расстрелянками живого челове-
ческого материала. Та девушка с сияющими глазами,
краснощекая прядильщица, комсомолка
Варя, о которой рассказывалось в очерке «Цена
девушки», такой же и должна остаться. Всей
своей жизнью она должна доказать, что «верховный
принцип» обязана стремиться к тому, чтобы у комсомолки Варя постремому были
сияющие глаза, чтобы с такими же глазами она
прошла весь свой комсомольский путь и всту-
пила на путь взрослой жизни.

Мы за единую глаза, против
пасмурных лиц. А сияющие глаза и ее
сияльные юные лица у наших комхомовок и комсо-
мольцев будут тогда, когда каждая и каждый из них
будут постоянно чувствовать себя окружеными
неприменимой стеною товарищеского вни-
мания и крепкой искренней поддержки. Научимся
хорошо ценить человека! То умение нам обязательно
нужно в борьбе за нового человека.

ОПРОВЕРГНУТАЯ ТОНЯ КАЛАШНИКОВА

Когда я прочитал очерк о Шуре с текстильной
швей (я его прочитал 5 раз) и прогулял его, то
невольно я задумалася: неужели наша молодежь
способна только смеяться, и подставлять шпильки
и укорять невинных, да хотя и понимавших лю-
дей, совершивших тот или иной поступок, благо-
даря своей слабости или неосторожности, не-
одумавшего шага? Нет, товарищи, этим мы не
спасем и не поднимем на ноги поклонизувших-
ся, а наоборот, только оттолкнем их от себя и
от нашего группового сознания. Не забудьте, что
это здание, созданное сущим делом, не может
помозгнувшись, меньше насыщенных, меньше
шиплек, а больше делового разговора и указаний. Правда, Шура Гросян крепкая, сильная нату-
ра, обладающая настойчивым характером, кото-
рая добивается своей цели—осуществить свою
запятую месть о коммуне, доказать, что она
дурьи поступки неповинна. И она добьется своего
через посредство своих братьев и сестер
комсомола. Мы общими усилиями добьемся этого
и поможем Шуре Гросян в ее добром деле. Но
в наших рядах не мало? Как вот спросить?
Я знал одну комсомолку, которая была матерью
одной из самых ужасных ужасов. Всех по-разному жале-
ют, вот поэтому-разумеется и думают... Так
было и с Тоней Калашниковой, которая спасла
благодари слабости своего характера и сладкой нату-
ры опустилась через одного парня и пошла
по геринистому пути скборы и горьких слез.

Когда тебя узнали про ее поступок, то стали
всю над ней смеяться, перед всеми унижать
и попрекать. «Лопотрапеза», заробата себе,
тебе не в комсомоле быть, а в публичном доме».

Бес хорошие прузы и товарищи оттолкнули
её в сталь ее пребороды и торчащие волосы.
Такое отношение другой очень влияло на ее
слабый характер. И она много провела бескон-
ечных ночных, многое продумала, и много проплакала.
С. Но, конец, ее слабый характер не выдернул
ее из этого: с одной стороны, наименши
друзья, с другой—упрек матери, и вечером
после захода солнца, когда все спали, она пове-
силась на белевой веренке, оставил записку
друзьям: «Я не могла вынести ваших насмешек.
Я не могу вынести вашего своего огни-
вочного и поклонистого честолюбия. Вы
могли мне позволить выйти из трудного положения,
если бы могли дать материальную и моральную по-
мощь. И мне не предстоит больше выхода, как
покончить жизнь самоубийством. Прощайте
друзья. Вы меня больше не увидите».

Опровергнута вами Тоня Калашникова.
Это не один факт, а таких фактов много в на-
ших рядах. Нередко бывает, когда из комсомола
выходит через «подковыри» товарищей, в ролях
которых «трепиши» бумагами комсомолка, ты на-
звалася вспомогательной, а на деле тебе не под
властна. Ты опровергнула всю свою историю
и этого, покинув ряды КСМ. С этой «со-
циальной» болезнью нам необходимо повести ре-
шительную борьбу, заострить данный вопрос во
всех шире в комсомольской организации и по-
вести кампанию по данному вопросу в рабочем
журнале «С м с и а».

г. Астрахань

Малигин

ВИНОВАТ ЛИ Я?

(Исповедь выходца из союза)

П. ГУРОВ

Много неясного в письме т. Гурова. Неясно и туманно, как это ВДРУГ т. Гурова обуяли апатия и он почувствовал себя одиноким. Непонятно, как это было, сразу оскользнувшись, пьяная жизнь и покинув отраду потребности заново вступить в комсомол. Но вместе с тем письмо т. Гурова есть ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ, ярко освещающий некоторые явления нашей действительности. Не один Гуров пережил и перенес такие трагедии. Это служит обяснением, почему редакция печатает письмо т. Гурова. Мы просим наших читателей, в особенности астраханских товарищей, высказаться, в чем прав и неправ Гуров, нужно ли принять его в комсомол. Мы охотно напечатаем материал, который приводится Гуровым.

Давно еще, когда я только-что вошел в комсомол, я был подхвачен какой-то волной активности. Я участвовал везде, все меня знали. Читали как хорошего, активного парня. Но потом... Это было ужасно...

Какая-то апатия ко всему... Я остро заржал, почувствовал себя чужим, одиноким. Я не спал ночами, разные сordовые мысли мучили в голове. Чего-то хотелось, но чего-то я не мог подсказать. Вот это неование еще больше начало мучить меня.

У меня был друг, хороший друг. Девушка Катя... Именно хорошо тем, что понимала меня. Я часто бывал с ней. У нас были откровенные разговоры, я ничего не скрывал от нее. Часто она говорила мне:

— Ты дурачина, а на сердце кошки скребут!..

И она была права! Я дурачина, смеялся до хрипоты, но внутри было непонимание себя, своей жизни. Как мне жить и кому нужна моя жизнь? Все заняты своим делом, все do-вольны...

Я злился на всех, на все. Мне было 20 лет.

Я начал пить. Вот именно от этих мрачных мыслей. Я старался уйти дальше от этого, но не умудрялся забыться. Я решительно продрал всю почтку. (Я работал поваром и получал хорошо жалованье). Волки, биллиарды, пьяные разговоры, а на другой день — как кислый, дряблый огурец.

Вот в этот период я почувствовал свою ненужность союзу, бесполезность. Я пришел и сказал:

— Вот мой билет, больше я не член.

— Почему?

— Потому? Я не знаю...

Я ушел без жалости, без чувства потери. Я все отдала членству неизвестному, неизвестно кому ведущему.

Катя уехала, оставив записку: — Я уезжаю. Буду таким же хохлом. Друзья с моей сестренкой... Буду писать.

— Ладно! — подумал я.

Стал видеться с ее сестрой, тщательно скрывая свою пороки. Я еще ничего не мог сказать о ней. По-моему, она была еще ребенок. Но как-то я заметил, что этот ребенок начал заниматься и мочинить. Я понял, что передо мной не ребенок, а девушка, которая хочет быть замужней. Я яснее она считалась самой смазливой девчонкой.

Я увлекся ею. Но как же была странная девчонка! Именно — странная... Мы двое увлекались ею. Я и мой названный брат.

«Онажды у нас в клубе был спектакль. Я участвовал. Для храбрости мы с братом выпили. В клубе была темная комната, где мы сидели в креслах, рядом с вином и вином. Она не противилась. Это меня увлекло. Я ничего не мог обяснить ее поведению. Момент, от того что молода? Да нет! Это какая-то особенность!»

Я серьезно увлекся и серьезноревновал к нему, к своему названному

братью. А однажды это было вечером, я только-что пришел на дежурство. Вдруг является он. Ни слова не говоря, схватил меня за горло. Мне было неприятно. Думая, что это шутка, я спросил:

— Ты что, убить меня хочешь?

И тут я заметил, что это серьезно. Передо мной было злое, пьяное лицо. Упражняясь, с неминимостью глядело глаза. Не выпуская шеи, он промычал:

— Убить я тебе успею, а это...

— А-а! Тогда так!..

Я схватил его, приподнял и отбросил на пол. Он кривяк. С ругательством кинул на меня. Нас разогнали. Ему увели, молчаливого, задомсмотревшего. Я вдруг дрожал. В голове мелькала догадка, что это из-за нее. Никогда из нее?

На другой день я приспал письмо, в котором извиваясь, просил принять его в партию. Отстал и от него, и от нее. Лишь иногда, по ночам, ее вспоминал.

Потом я ругал себя за это вление. А почему? Я понял, что она была пустышка, красиво наряденная модель. Котячка-механика сестра, начала расспрашивать. Не стесняясь, я открыл ей глаза:

— Да, я увлекался. Но теперь я спокоен. Она для меня утерянная вещь.

— Так, значит, ты ее не любишь?

— Нет, люблю, но теперь вижу, что она пригодна лишь для увлечения похоти.

Она очень удивилась и, кажется, обрадовалась:

— Неужели она такая?

Я не чувствовал остrostя желания сблизиться с девушки. Я решил, что придется идти к ней в гостиницу. Моя мама не хотела. У меня не было творчества. Я дичался, а дома было противно. Мещанская жизнь. Иконы, самовар, болтология, сплетни... Это раздроблено, бесило. Я рано уходил, слонялся по городу. С Катей я не виделся. Мне начали казаться, что у нас только винимо-дружество.

Но что же делать? Хотелось остро-го ощущения, сделать что-нибудь такое, чтобы чувствовалось, помнилось. Но в результате одно — размытые. За этой остаткой одна обширная работа — выкупительная профессия. Я к ней не притрагивался. В конце концов меня пронесли в газету.

... Ничего-то не делает. Только пылает...

Меня перебрали. Я стал свободен. Всю свое свободное время шел на биллиард, пьяную, лото. Я подмыкал себе товарищей, шел и пил о них. У меня стал некорректный вид. Когда я шел по улице или был в кино, я замечал, как все меня смотрят исподлобья. А когда приходил в поликлинику — брезгливо отворачивались, боялись за свой карман. Я смеялся, но наружно, с иронией. Нарочно громуко говорил:

— Смотри, ребята, боятся, думают, что я по ширме работаю... Ха-ха-ха!..

Но на душе было больно.

Оно сильно бывало язвивши, мне хотелось кому-нибудь сделать нехорошее. Я приставал к кому-нибудь, кричал:

— Эй, ты! Ступай! Олезьона! Можешь поговорить?

Но человек молчал, не обращал внимания.

Но это делалось только в пьяном, бесцветном состоянии. Меня учили крикнуть на весь проспект, а на улице я ехал на автобусе за город, в поле. Столкнулся там на встречу, растерял пальто и расстаскал руки. Ветром начало дрожать.

На другом дне я тоже дрожал. Потом я увидел Ничего нового, ничего доброго. Одно время я думал уйти в холода, уединиться. Ну и что же! Холода куда-то: на улицу к людям... Кто-как я проторпел на неделю. А потом сорвался, побывал кругом. В лото, в ресторанах...

А к утру меня на улице разбудили сторожа прислонившегося к забору. Я был в грязи. Нос красный, бледный, волосы, борода, босой, обнаженный... Гашубинцы и провокации сдали. Я думал... «Слыши ли они знают?» Был перед ними недавний член горсовета, яркий активист своего союза. Человек, о ком говорил в одном из первых писем.

— Где все это? Я только грызин, босой, с поплытыми глазами, не по листам сгорбившийся...

И вот вдруг все осеклось. Я стал писать. Начал читать. За книгами скорчивал свое время. Помирисился со своим сорокароком. Вместе с ним ходили в кино. И все. Я уже не пил, чувствовал отвращение к водке. Принесли ее вилы и тарелки. Одним из первых и самых ярких было и меня тянуло в комсомол. Написал о своей жизни в комсомоле. Как было, просил принять обра-тацию...

На собрании зачитывались мои двухлистное заявление. Вместе с оди-нами, промяглили про мои ошибки-хулиганство, говорят, пьянница... Но все-таки постановили взять на выявление, загрузить работой. А там видно...

И вот я — технический редактор газеты. Было заявление за работу. Писал думал... И один выпустил несколько номеров. Из яичек никто не писал. Об этом говорили на ка-ждом собрании, призывают сотрудни-чать, но все насторожились.

Я опять вернулся в училище. Я учас-тился в учебе, выпил выпотрошил лишнюю, как необходимо, без восхищавшую. Помнился апатия, неповерхность. Про яичек я говорил:

— Делают собрания, принимают членов и больше ничего. Надо памят-ствовать, что полезно, надолго памят-ствовать.

Я часто спорил. Доходил до ру-гани.

Ах, как все поспешно кажется мне у людей! Или, может, я мало их знаю? Приехала Катя из Москвы, она теперь раффаковка. Грустная такая.

— Ты что? — спрашивала.

— Есенин!..

Ах, это Есенин! Как много поэзии мыслы на есенинский строй. Она уже повернула есенинским духом. Она начиталась его стихов, и уже готова. На прещальной вечере она хотела броситься с шестого этажа. Но ее спасли. Жена Юрий Железнов — погорелая девушка. Ну, народ! Я допускаю мысль, что она может это повторить. Она находилась в таком кругу, где чутко прислушивалась к Есенину... Но ее сестра... Катя эта ярко раскрашенная кукла, которая прочитала пять стихов Есенина, на ворота вишилась!

Ах, черти! Ну, это ли еще не скромничанье? Чем же она не проповедует смотреть на них, Петрушками и большими... Я ненавидел их, и на-меня виши.

— А они меня?..

О, они тоже ненавидят меня!..

Я вывалился! Но как я вывалился! Это даже смешно. Ни один активист яичек, ни один член бирюса не глядел на мою голову. Не интересовался ей.

— А чорт, моль с ним!..

Ни один не пытался со мной по-говаривать, посоветовать что-либо. А ведь я нуждался, очень нуждался в этом.

Помню, я и самый активный пасьянщик яичек зашли в биллиардную. Я злился на него за разносившие ко мне. Захотелось попурпир.

— Сыграем? — сказал я.

Тот согласился и предложил с ме-вийной ульбочкой:

— На побольшуючку, что ли?!

Как вам это нравится! Я стал ги-гать и не старалась выиграть, а когда проиграла, выкинула деньги на стол и зло, по-матерински его обратила.

— Активист, мать твою!..

Прошло с годом. О моем вываливании молчали. Тогда я напомнил сам. Но что же получилось? Было на раз перебирались, старое разбрелось, новое ничего не знает. И снова вываливание.

— Какое же вываливание? — спрашивала я.

— А ходи на собрания, полити-куль, — вот и все!

И я ходил! Ходил еще полгода! Был сосновый внутри, но был спонсирован снаружи.

Лопнуло, наконец, последнее тер-пение. В своем третьем заявлении я писал:

... или принять, или я пропаду! Мое терпение пополню. Это был мой решительный шаг. Мое вступление в союз не было приехью. Я остро чувствовал необходимость быть в союзе, жить вместе с ним поправля-ющим числом.

Наступил собрание. Вышла к столу парикварка. Носики назад. (Он год добивался этой прически и даже для этого смазывал волосы гуммираби-ком). Вышел и пробарабанил:

— Бюро рассмотрело и постановило взять на выявление:
Ни слова о чем-либо, одно лицо:
Бюро рассмотрело и...
Я не вытерпел, горячо, возбужденно заговорил: — Не знаю, повлияло линое деяние чиновника обещание к ма-
ссе, или просто то, что эта вспышка им надолго. При 5 голосах против 30 с чем-то за — быт принят.

Весь материал, вернее — мое последнее заявление и протокол, направили врайком. После как-то встречи активиста, что волосы назад. Справившись:

— Так никак там, в райкоме? Ну, как насчет меня?

И заметил, как он ехидно улыбнулся, принял важный вид и проплескавшие сказали:

Я член прямичной комиссии!

Эта была угроза. Но за что? Может за то, что я не раз открыто его называл дураком. Все может быть! А, между прочим, этого активиста знает весь город. Не раз на конференциях ему говорили, что он дурак...

Я с нетерпением жду... Жду, когда райком решит мою участу. На днях заходит туда. Две деволоводы — она и она — спросили мою фамилию. Как-то странно улынулись между собой.

Я не спросил ничего, и ушел.

Иногда думаю:

«Прав ли я, что суюсь сюда? Может быть, я очень виноват во всем этой истории? Может быть, мне не место здесь? Кто знает...»

НЕ В ГУБАХ СУТЬ

Г. БЕРГМАН (О фельетоне, оставшемся без отзывов)

Поместив в № 8 «письмо» С. Скворцова и фельетон Н. Погодина «Алые губы», редакция «Смены» писала: «И фельетон и письмо выносится редакцией на широкое обсуждение читателей». Но оказалось, что все «отклики» посыпаны одному Скворцову, фельетон же остался без единого отзыва. А между тем, фельетон Н. Погодина вовсе не заслужил такого невнимательного отношения.

Жила-была ячейка химико-органического цеха. Все было архиваголично: в ячейке — «неутомимый секретарь», комсомолец Антошка, мирно влюблена в комсомолку Аннушку; учеба и «гранты науки» незаметно перекусочный кабинет и свободный отдых, разделения так же незаметно сменились делами серебряными; тут же и благоустроенный клуб... Все живут просто и дружно, никто в фетх хмельного не берет и «драм на горизонте» не предвиделось».

И вдруг явился чужой элемент, некая Ирма — «пламянница начальника листации», что жила в большом городе на Волге. Чужий элемент отличался легкостью права и накрашенными губами. И с этого момента все перевернулось в ячейке. Аннушка стала causa красить губы, Антошка (имена-то какие суగубо «народные»!) обмыла с праведного пути и соблазнила 16-летнюю девушку-подростка, двое комсомольцев устроили бой на ножах, и все пошло практом.

Кто же виноват? Виноват «чужой элемент» и привезенная им «идеология» (по выражению Н. Погодина). «Все распадались, все рушались под действием этой идеологии»...

Назидательная сказочка кончается, однако, благополучно. Ирма с позором изгнана, и вновь наступает мир и благоустройство. Аннушка смыгивает краску, на сцену вновь появляется «неутомимый секретарь»; он возвещает конец разрыву и скорое возрождение мира и благоустройства. Даешь, вероятно, Аннушка выйдет замуж за Антошку, и в благоустроенным клубе в присутствии всей прекрасной ячейки будут отпразднованы покашальные октюбрьны, с благословением «неутомимого секретаря».

Правдиво ли все это? Нет, не правдиво, ибо неправдоподобно.

Во-первых, нет «природе» таких спиритуально благогулучих людских коллективов.

Во-вторых, автор сам себе противоречит. Допустим, что этот человеческий коллектив действительно стопорщенно благогулуч, с хорошей учебой, хорошим отдыхом, хорошим клубом, хорошими нравами и сверхвеликолепным секретарем. Как же могла бы заезжая слуцкая девица перевернуть все это благогулучие вверг в тормашками? Кто же этому поверит?

Мы тоже, да вот... «Эх, губы, губы! Собственно не в губах была тут сложность» цепи печальных событий, а в губной помаде фирмы ТЭКЭМ... Извините, но это просто курьем на-смеши.

Вот я и спрашиваю, что о пасне — откровенном ли цинизме Скворцовыми или эти погодинские разовые очки, это легковесное замазывание болочек рабочей молодежи? Мне кажется, замазывание опаснее. Епронем, оба автора могут быть правы, но я бы, конечно, сошел с ума, если бы я был рабочей молодежью, и если бы я получил случайную вспышку, к чумам «алым губам»... Нет, уж избавьте от стаканов бояться, оно только притупляет ворость здоровой молодежи и ее волю к борьбе против тех болочек, которые бесспорно имеются, — и, стало быть, на деле с помощью преществления этих болочек под убаконизацией шумок елейных речей о добродетельных Аннушках, Антошках и «неутомимых секретарях».

200.000 ВЕЛОСИПЕДОВ

Ф. БОРИСОВ

Больше велосипедов, больше культурности

Велосипед, этот прекрасный, удобный и лаконичный способ передвижения, может склонить не только обывателя для его ежедневных поездок, — он с успехом может быть использован для целей нашей промышленности, связи и обороны страны.

Чем культурнее страна, тем больше в ней быстрых и лаконичных способов передвижения, и, наоборот, чем больше в стране удобных и лаконичных способов передвижения, тем она культурнее.

Вопрос о масштабе производственности велосипедов требует строгого разрешения.

За последние годы представители иностранной велосипедной промышленности все чаще и чаще высказывают желания о взятии концессии на производство велосипедов в СССР. Этот вопрос нужно разрешить в ближайшее время.

В дореволюционной Греции единично на рынке выбрасывалось около 60.000 велосипедов. Внутри страны производилось около 35.000 и ввозилось из-за границы около 25.000 штук. Наиболее крупным «производителем» велосипедов был завод «Дукс» в Москве (около 9.000—10.000 велосипедов в год), затем «Лейтнер» в Риге (6.000—7.000), фирмы Кавказского и Эфиопского (по 2.500—3.000), Жемчужина (2.000—2.500) и затем мелкие фабриканты и кустари, которые давали в общем около 10.000 велосипедов в год.

Фактически же вырабатывали целиком велосипеды только «Дукс» и «Лейтнер», оставшиеся фабриканты и кустари производили только сборку велосипедов из запасных частей и смысла, ввозимого из-за границы.

За время войны и революции мелкие фабриканты и кустари прекратили свое производство. Завод «Дукс» перешел на другой тип производств. Остался единственный завод в гор. Харькове, с ежегодным выпуском в 23.000 машин.

Уже и на 200.000 велосипедов

При таком незначительном количестве велосипедов, выпускавшихся внутри страны, и ограниченном числе их из-за границы, на рынке ощущается «велосипедный голод».

По грубым подсчетам, годовая потребность на ближайшие годы выражается в 200.000 шт. велосипедов.

Велосипед за границей

Велосипедная промышленность и само производство машин в зарубежных странах развивается на махровых парашютах. Большинство крупных заводов с выпущенной способностью от 10 до 100 тысяч велосипедов в год фактически занимаются только сборкой велосипедных частей. В то же время существуют досягти и сотни не менее крупных заводов, которые занимаются выработкой отдельных частей велосипеда. Один завод изготавливает трубы и производит приставки для лент для сиденья, второй изготавливает цепи, третий втулки, четвертый седла и т. д.

Небезынтересно будет дать хотя бы некоторые цифровые данные о величине производства велосипедов и их использования в зарубежных странах.

Германия еще в 1887 году имела 64 предприятия, изготавливающие велосипеды, с общим количеством рабочих в 1.165 чел. и годовой выпуск в 7.000 машин, вновь дополнительно, главным образом из Англии, 20.000 шт. велосипедов. В дальнейшем велосипедная промышленность в Германии начинает быстро расти, и уже к 1890 г. выпускская способность страны достигла 200.000 велосипедов. К настоящему моменту выпускная способность всех заводов Германии выражается в 11½ миллионах велосипедов в год, при чем ½ часть этого количества идет в экспорт.

Возможно, данные небольшой страны — Италии, — за десятилетие. Если в 1914 году там было выпущено 1.250.701 машина, то 1924 году заводы Италии уже выбросили на рынок свыше 2.250.000 велосипедов.

Вытесняются ли велосипед автомобилем?

С появлением механических экипажей и автомобилей появился опасение, что эти виды транспорта затормозят распространение велосипеда или парализуют его совсем. Статистические же сводки западных стран, вопреки этому мнению, устанавливают, что распространение велосипеда идет наряду с развитием автомобилизма и мотоциклизма.

Примечательно это кроется в том, что цены на механические экипажи слишком высоки.

Переходя к вопросу о выборе типа велосипеда, изготавляемого за границей и пригодного для пользования в наших дорожных условиях, придется признать, что заграничные велосипеды неприменимы в наших условиях. Нужно работать над созданием специального типа велосипеда, соответствующего нашим, «российским» условиям.

Стойкость велосипеда в западных странах в среднем, на наши деньги 50—60 рублей. Более высокие сорта расцениваются в 80—90 рублей, а самые дешевые в 30—40 рублей.

У нас машины мало, стоит они очень дорого. Необходимо организовать широкое производство велосипедов в СССР на высокой стоимости и достаточной прочности. Организовать продажу их в кредит рабочим, крестьянам, служащим.

ГРАНДИОЗНЫЙ ПРОБЕГ МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

Осаовиахим организует грандиозный эстафетный пробег бегунов и велосипедистов по маршруту Москва—Ленинград. Физическая тренировка, умение быстро передвигаться, выдерживать продолжительные переходы и перебежки являются одним из важнейших качеств бойца.

Ставя своей задачей организацию обороны страны общес-твенными силами, Осаовиахим не может, конечно, пройти мимо физической подготовки молодежи. Кружки военных знаний, санитарные, кружки химбороны, стрелковые и иные вместе с кружками физической подготовки, физкультурными проводят на предприятиях полную подготовку к требованиям обороны и военной службы.

Пробег Москва—Ленинград устраивается бегом и на велосипедах. Бег—ускоренная ходьба, так же как и велосипед, являются важнейшими средствами передвижения армии.

Пробег будет проходить днем и ночью. Участники будут передвигаться в немецкой для них местности. Вместе гладких дорожек стадионов, на которых катком заглядывают всякие неровности, вместо гладкой ленты треков, велосипедисты и бегуны должны будут тщательно ориентироваться, оглядывая встречивающиеся по пути препятствия и быстро со-образить, каким направлением и с какой скоростью сле-дует передвигаться.

Пробег должен усилить интерес со стороны молодежи к бегу по пересеченной местности, к езде на велосипеде в трудных условиях, к использованию спорта в целях военной подготовки.

Маршрут пробега—через Клин, Тверь, Торжок, Вышний Волочек, Валдай, Кресты, Новгород—охватывает дистанцию в 720 км. Вся эта дистанция разбивается на этапы: для велосипедистов в среднем по 40 км и для бегунов около 11 км. В пробеге будут соревноваться команды Москвы и Ленинграда. Каждый город выставляет 36 велосипедистов (18 основных и 18 запасных) и 75 бегунов.

В назначенный день и час в обоих городах будет дан старт. Первым будут пущены бегуны. Бегущий на первом этапе участник получит пакет, который должен быть в кратчайший срок доставлен по назначению. Одновременно два пакета будут вручены в Москве и Ленинграде. Через 8 часов после бегунов отправляются велосипедисты. Ленинградская команда будет стремиться возможно быстрее передать эстафету в Москву. Москвичи в—Ленинград.

Дистанция велика, но пути встречаются различные трудно-стии. Участник может сбиться с пути, не рассчитать свои силы. У велосипедиста случится поломка, прокол шины. Все это отразится на скорости, все это по возможности должно быть устранено тщательной тренировкой. Велосипедист не должен претендовать, если он в ночном пробеге в время эстафеты налетит на какое-либо препятствие, свалится в канаву. Во время военных действий самокатчику нужно стремительно нестись, чтобы передать срочное donecение. Но там снаряды и пули противника, раз'езды врага внесут еще более затруднений. Еще более хладнокровья, решительности, сообразительности по- требуется, чтобы скорее достигнуть цели.

ДУСЬКА

Из рассказов ИРОЧКИ

I. Пока оденешься

Ирочка все свое барахло раскидала по стульям, табуретку заняла, на столе разложила, на кровать. На полу газеты порваные, ногами вешали, а часы уже блинко семи... Еще волосы не просолли—я куды их столько! Хорошо, что Ленка щипцы дала, можно и влажные завить.

Дуська прошила порваные прити, на стол на-крыла полушубок. Я это умею.

Ленкуму самую любимую кобочку, плюсок. В то время когда вертишься, так она всю кругом, как зонтик.

А блузочку надену английскую... Никто из девчонок в английской блузке не придет, я одна буду. И у самого гордо—бантик.

— Скоро ли, Ирочка? Время!

— Сию-сю, Леночка! Вот завесь и оденусь, столько хлопот, разве можно в одну минутку.

А чулки опять полетели. Уже натянула—они вились да и потини. Пальцы поклонила, но и ве-видно совсем, где штопано!

Такое время, такое время...

Моя Тетя Поля сонем сидя с ног сбилась—все берегут время смотреть.

Сью минутничку!...—и опять побежала к со-седям...

— Дашечка минут воншьного, Ирочка!

— Вот сейчас уже напушу! У меня духи ле-бимые—«Москвиц».

— Ну, и уже совсем готова.

— Ну, и я готова.

Посмотрела я через зеркало на Ленку. Не идет худыш серое! Она в лодочке и чулки—асе серое налево! Волосы же воншьных нет, у наших.

И-р-оч-ка! Лепага Ирина. Ирочка дона ля?

Дуська сама прибежала.

— Мы здесь, мы здесь! Сейчас уже идем!

— Девочки, полчаса воншого иди! Беда!

Поспешали они. Она остороженько целулась. Губы-то уж намазаны. Не оплела и уже намазана: Ей, половина нужно, а то у нее губы белые. Шурка этого не понимает, что нельзя же девочкам с белыми губами ходить.

А я не макну!

— Пошли, девочки!

II. Явление Рыжего

Какая у Федоровых квартира хорошая. Только у них и столовая темная! А икон сколько! И граммофон стоит. Обязательно заведем.

В спальни дверь открыта—на окнах цветы и занавесочки. Икон в углу—масса, на кровати подушечки, пух, кровать, громадная, а подзор весь вышитый.

Это ты сама вышивала?

— Ну, еще бы.

— Она ведь мастерица. Ленка поддала.

На полу коврик заметила мохнатый, а чай-сы стоял с фильтром. Я ведь не засматриваюсь в дверь, а так, мимо шли. Больше ничего не успела рассмотреть.

Пошли мы воншько, там все готовенькое стояло, воншько приготовила, и сама с соседям пошла. Отсюда тоже на докторскую. Ух, его все не любят, он скрытый какой, тридцать лет на железной дороге. Когда он приезжает, Вовочка говорил, так все в квартире на шипыющих ходят.

— Мы с Ленкой стана на стол накрывать, скатерь амечатильная, и все салфеточки к ней подкладывали.

Тут и Дуська вышла окетом.

— Ах, каких вы у меня, и стою накрывы.

Ну, давайте посуду ставить.

Кету, икринки, пироги, яблочки—все расставили. А водки нет, напрасно Шурна явилась.

Мы расставляем, а Дуська боится ноготочки искосы, маникюр сделала. И пльте свое цап-ковое пальчики бережит. Артистка!

Оделась так, что сразу видно.

— Чем же вы так поздно? Мы замужали.

— Решили всей своей компанией прити, стали захо-дить, а левши пока сплюнули...

— Ах, это новый, это вы сами по два часа собираетесь!

— Синяя Вовочка целый вечер может через зеркало прихорашиваться!

— Вот, чудаки девачки! Для вас же стараюсь. Все заходили. Вовочка прибодрился и дальше:

— А вы для кого стараитесь?

Я говорю:

— Ну, известно, все для тебя стараются.

БОЛЬШАЯ ВЫБИРАЕТ ЖЕНИХА

с Октябрьской

Тут он меня подхватил под ручку и говорит:
— Ах, Ирина Пелагеевна, мне не важно, что вы
все, а важно, что вы ко мне горячую любовь пи-
таете.

— Вовочка, при всех чужие тайны открываете,
разве можно?

— Я ведь не ваши тайны, Леночка, а Ирочки
ни всем известны.

— Всем-то всем, а тебе, Вовочка, меньше всех.

— Прощу к столу!

Все стали рассаживаться. Дуська стоит и не
садится.

— Дусечка, к нам!

— Вот около меня mestечко в вас нуждается!

— Помогите, Дусечка, какой стульчик сим-
патичный?

Она улыбается и все не садится.

Энокон.

— Ну, вот видите, как же мне сесть, отворять
надо!

Дуськин брат Сергей с кем-то пришел. Мы
кричим:

— Садитесь скорей, опоздаете!

— Потчтение уважаемому обществу.

Чулак какой!

Посмотрела я на него —рыжий.

Помолчал и Дуська:

— Здравствуйте, Елизавета Ивановна, разреши-
те вам преподнести! — И красную розу ей сует.

Мы все притихли... Зойка шепчет:

— Со значением!

Вовочка закричал:

— Пожалуйста, тут как-раз местечко под вас

округлилось! — И мне тихонько: — Нет ухи, если он ее

Евдоким Ивановной будет звать, то я тебя —Ирина

Пелагея.

Потеснились, брат Дуськин стул еще принес
и сели. А Дуська как-раз между Сережкой и Рыжим
оказалась,

III. Величать по кругу!

Сергей сходил в спальню, принес три бутылки
горькой, еще из кармана две бутылки спотыканчу

поставил.

— А это для барышень, спасибо.

Сразу и раскупорили. Вовочка провозгласил:

— За дальнейшие драматические успехи нашей
хозяйки ура!

Все закричали, выпили, закусили, и Павка
разразился:

— И за всех остальных наших соседок!

Рыжий ко мне:

— За ваше здоровье, не имею чести знать ваше

имя-отчество...

— Ирина Пелагеевна... — Вовочка громогласно.

— Как Пелагеевна? — Рыжий затаращился.

Вовка хочет и разыскивает:

— Тетя Поли дочка, значит — Пелагеевна!

Я покраснела, но говорить очень серьезно и смо-

трю Рыжему прямо в глаза:

— Ну, да чего вы не понимаете? Вот, например,

Вовочка тети Матрёши сын —значит, Владимир

Матрёшин, значит...

А Вовка взорвался:

— Я обожаю герцогиню! — она свой стаканчик

весь выхлебала, разогрелась и уже затараторила.

Сейчас же Павка вскочил и убежал.

— Ну, давайте споем.

— Спойте, Елизавета Иванова, «Случайно и про-

что», чудесный романс!

Всех уговаривали, она ни за что не соглашается:

— Давайте, — говорят, — круговую.

Сразу Вовочка, конечно, начал.

— В нашей корзинке есть много цветов,

Мы набрали их из многих садов.

Роза, фиалка и липин есть —

Моника веночек для Зои сплести.

Зои, как вы хороши,

Любят вас Вовочка от всей души!

Надо, чтобы величание по кругу шло, а после

Зои стул пустой, Павка ушел. Она и спела:

— Стульчик мой, стульчик, как вы хороши!

Любят вас Зоя от всей души!

А Нюра сама себе спела:

— Нюрочка, Нюра, как вы хороши!

Любят вас...

И запнулась. Вовочка моментально:

— Кости от всей души!

Смех сквозь!

Дашко до Дуськи. Она смотрит на Рыжего,

умыселю и поет:

— Витечка, Витя, как вы хороши...

Рис. К. РОТОВА

А Рыжий доложил был мн спеть...

— Елизавета Иванова, как вы хороши,
Любят вас Виктор от всей души!

И смотрят на Дуську умиленно...

Секундочку все молчали, а потом, как загрохота-
чут Захлопали, Вовочка «ура» закричал, и Дуська
смущена.

— Это вы ей должны спеть!

— Почему обязательно мне? Ему видней.

— Ну, теперь фанты! — Сергей заторопился.

IV. Ирочек выпила

Павка, наконец, вернулся и тащил четверть
шершпанного вина.

Водичку принес...

— Ирочка, давайте вам стаканчик этой во-
дички налью?

Я выпила и развеселилась ужасно.

— У мово у Мишенки...

Есть в кармане вишеники...

Поцелую Мишу раз —

Он мне вишеники отдаст!

Смотрю — контролер лежет. Рона красная! Пот-

реблю.

— А я смеха, только его:

— Я с усами не целиюсь...

— Дусечка, давайте ножницы — усы сниму!

— Развивайте стулья, сейчас плясать буду!

Громкофоны звякали, Вовочка плакал да и мы
с ним пустились. Я пляши —земли не чуко! Вс
хлопают, кричат.

Ой, Вовочка, голова кружится! — И хохочу.

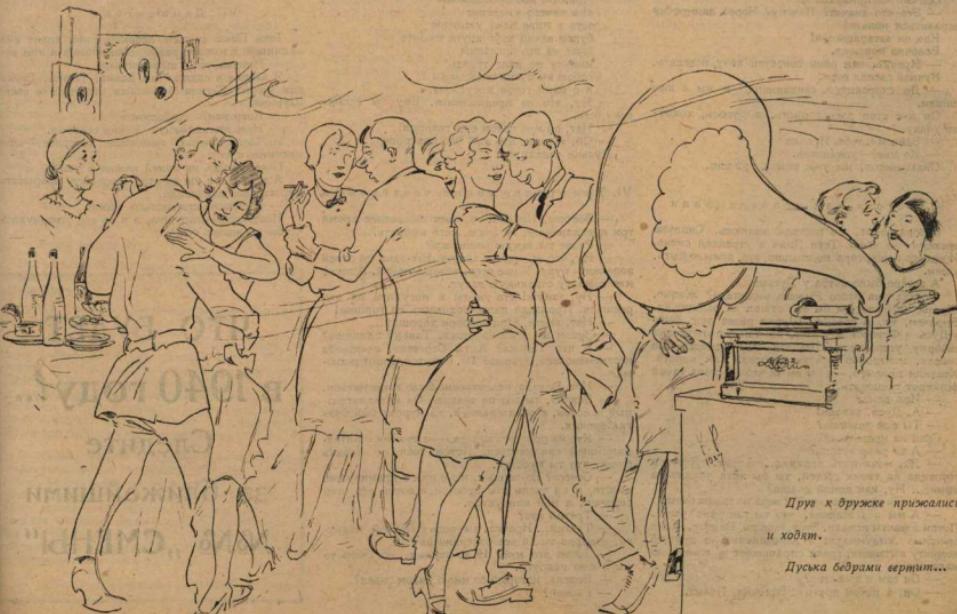
Песали меня Вовочка настул, я стала смотреть,
как Дуська Рыжим танцует. Друг к другу при-
ближался, колот, Дуська с бедрами колот, а он оду-
ногу все ей между ног толкался до груди виско. Она
отступает, а он sagt. Это же я в кино видела!

Фомострат. Ну, я бы там не стала. В кино же мож-
но, а на самом деле —неприлично.

Все кругом сидят и смеются, папиром курят,

И Нюра курит. Контролер подошел и мне предло-
жен.

Я взяла.

Друз к бружке прижалась

и ходят.

Дуська бедрами вертит...

... Три предложения, не знаю, кого выбирать...

Он и сам звал меня.
— Что это вас давно не видно, Ирочка?
— Как давно?
— Вчера вас в саду не было.
— А я в Зоологический ходила.
— Ранее туда вечером пускают?
— Ну да, там электричество.
— Что же вы там делали?
— А словно расканивали.

Вдруг он прыснул, и все за ним. Ленка меня

перегрет, извивал:

— Дуся, ты неприличное сказала!

А я прошумела.

— Какое неприличное?

И Ленка отшатнулась.

Дусьма с Рыжиком кончили танцевать. Рыжий

вытащил папироску и к Ленке подошел.

— Разрешите от вас зарядиться.

Сна спутнилась, разстягиваясь и папиросу дерхит.

И все увиделись, одна Дуська захинкала. А я,

если вьюсь—ко мне не подходит.

Сейчас же придралась.

— Это что значит? Почему? Через папироску

зарядиться?

Как он затарахлился!

Вовочка подошел.

— Ирочка, вам один секретец хочу поведать.

Ручной сделал всем:

— До скорейшего свиданья! — и мы с ним

попшли.

Он мне стал рассказывать, я смеюсь, хохочу

по упаду.

— Зайдем к тебе, Ирочка?

— Ко мне? — удивилась.

Оказывается, мы уже дома пришли.

V. Кого и как мы споведывали

Голова болит, я в постели валяюсь. Сколько времени — не знаю. Тетя Поля в утренней смене. И никого в квартире не слышно, все, должно быть, ушли.

А весело было вчера у Дуськи.

Откуда же было у Рыжика выпала? Жалко. Шурка не было, но был его отшат за папиросу. Вечером, что я говорю? Шурка разве мог быть у Дуськи Федоровой? Нет, все-таки не умеют они вечером устраиваться. Девчата как приключением силенки, контроллер использовать лез. Как копоты. Хватили лишиного, — я бы ни за что не стала такой фокстрот танцевать.

— Ира дома?
— А, Дусь, заходи!
— Ты еще лежишь?

Села на кровать.

— А я еще вставала?

— Да, моя мать подняла, говорит: «Я вчера готовила на своих гостей, ты бы хотя убрала за ними». Ну, как домой дощупа?

— А как мне доходить? Я ведь не пыльна была.

— А мы все жалели, что ты так рано ушла. Потом в фанты играли. Этот, знаешь, Виктор, такие смешные выдумывал: в исповедника—в другую комнату вымывал, грехи спрашивал и епитимью налагал.

— Он сам и вымыпал?
— Он, а потом другие, Вовочка, Павка.

— Ну, что ж, наверное одних легких вымывали? — Это что так на фанты выходило, все парни попадали в исповедники.

— А кто Нирку исповедывал?

— Ну, Нирку! Она сама ко всем бегала. Кости от нее вывернулись, так она теперь со всеми взялась.

А Лариску никто не вымывал, она тоже ходила. А Сергей вымывал, и это жестко — она не идет.

Вондя закричал: «Сергей, помоги не нумер? Тогда она вымыталась. Ее первая звания. Чего же они в ней нашли? Вымыталась вся

в серое, как мышь.

— Ну, не говори, это очень стильно, они изящны.

— А со мной что было? Только ты никому никому, страшная тайна. Я тебе одной доверяю.

— Ну, что ты, Дуська, я никому не скажу.

— Мне письма с обяснением передали. Показать?

— А кто? Потомки.

— Сердечки... — На память.

Пришло мое предложение око ничего изобрести есть в мире одно ущешье будемвечно друга любить если на это согласны минуту не надо терять

собой ее очены прекрасны с вами готов погулять.

— Ну, это же предложение. Ему бы только погулять.

— Ну, он мне потом еще говорил.

— Си, я знаю, что это! Это контролер. Дуська вздохнула.

VI. Три предложения, четвертый...

— Вообще, Ирочка, у меня последнее время три предложения, не знаю, кого выбрать.

— Разве ты замуж решалась?

— Ну, что, и нал и замуж. Все-таки на своей волне хочется быть замужем, а не быть замужем, — какая разница?

— Ну, замуж! Это уж ты и погулять не вырвешься. Пропадай на свою молодость на горшки!

— Нет, начем, если человек хороший?

— Знаем мы этих хороших. Таньку помнишь?

— А что Танька? А та Сергея, счетовода местномонского, знаешь? Ты, кажется, с ним знакома?

— Нет. Видела, неинтересно было знакомиться.

— Значит, ты его не знаешь. Он интеллигентный человек, с образованием, на курсах был бухгалтером.

— Кто из простого класса, — не должен с интеллигентностью съязвывать. Потом тебя же корить будет, что ты простая.

— Отчего? Во-первых, мы с ним в драмкружке вместе, и он очень сам простой, а потом его отец сказчик, а мой кондуктор.

— Третий кто?

— Третий... Ирочка, вы ведь с Ленкой подруги, наверно ты ей все расскажешь?

— Зачем это мне? И, во-вторых, не очень-то мы с ней подруги.

— Винтик, который со мною рядом сидел?

— Рыжий?

— Совсем он не рыжий, у него волосы золотистые. Он, знаешь, агент на транспорте. Он много засыпывает, сонлив у них хороши. Серый часто бывает. Братцы — два студента. И сам он очень интересный, веселый такой. А как за мной ухаживает!

— Ты и решила?

— Нет, я ничего не решила, а то бы тебя не спрашивала.

— Слушай, Дуська, ухаживает за тобой Смирин?

— Да ведь он старый!

— Совсем он не старый, зато положительный человек. Нет, он хороший, знает хорошо.

— Да, он хорош, спасибо.

— Он высокий разряд получает.

— Он мне предложение не делал.

— Вся дорога знает, что он в тебя влюблен, а ты с ним сурьёз очень, он и болтается.

— Ну, может быть, ты права. Я подумаю.

Бытала Дуська, шарф свой перен зеркало приподняла.

— Твоя Дуська Маринина, совсем загулила. Пионерша на ее жажду подали, ее, говорит, и комсомолка вымысел.

— Что же это комсомольские дела знаешь? Не поступала ли душечка?

Нет, я комсомольцами не интересуюсь, моя братинка сказал, я пионер. Что я это, в самом деле: ее приставили к детям, а она пионером распустила, чтобы самой с Соловьевым Шуркой на центрах пообщалась. Шурку подцепила, и комсомольцами мало думала она про ихние постановления. Томе Шурку хорош: сам—братья, а как женится на нем, — так девчонку из комсомола вымыслишь. Конечно, кто ему будет штаны стричь, если же по заслугам? — О, засыпала и у тебя! Пойдешь на Первомайский сегодня вечером?

— Не знаю.

— Чуть не забыла. Ирха, неужели, ты не помнишь слова, которые вчера ты про слово сказала?

— А что в них такого? Все ребята при девушки говорят.

Дуська обяснила. Мне как стало стыдно, но я говорю:

— Наплевать.

— Ойзяльство приходит.

Приходит, — я удрю, — меня всю выпачкала и ушла. Наверно, струпа, за хрена не хочет идти. Неуспела за Рынега?

— С чего-то мне ватрушилось. А послезавтра, ведь, мой день ангела.

VII. День ангела

Тетя Поля пироги испекла, сана ходят именинники, а мне все равно, именинница или нет.

— Ирочка, люба ширашкинага.

Приходит, — я удрю, — меня всю выпачкала и ушла. Там Вовка, Павка, Зойка, еще кто-то, Дуська Мадленская, кажется, со своим Шурком.

— Кого вот? — спрашивала.

— Нам именинину, — Всемя соприя.

— Тогда пирожки сиюшьбыши, наверно, — засыпали именинники.

Повернулась на одной ножке и ушла.

А тетя Поля уж на стол торопится накрывать, пригоря свои выставила.

— Напрасно стараешься, мама!

Испугалась старушка, а я ее зла отвернулась, чтобы не жалко было.

ЧТО БУДЕТ в 1940 году?..

Следите
за ближайшими

№ № „СМЕНЫ“

Над только что убитым тюленем

Под вечер флотилия тюленей вышла из форта Александровска. Ветер дул вправо, и зверобой быстро покинул и Кудала. Этот небольшой остров лежал у кромки льда, служил сориентиром для лодок тюленников, откуда они прибираются за зверем по ледяному полю северной части Каспийского моря. Заночевав у острова, наутро флотилия тронулась на северо-восток по узкому, тянущемуся лентой разводу.

Надо заметить, что ловленный покров Каспия резко отличается от льдов северных морей. Здесь не встретишь больших раздвоенных льдинниц Каспийского моря, залегающих громадными, сплошными полями. Идея былоя по тому полю, и каматы—суть сюи конца и края. И только штормовой ветер разделил эти необъятные поля, образуя между ними каналы—разводы, по которым зверь за дружину тянутся тюленем (полки) зверобоем.

Несколько дней шла флотилия, забирая все круче и круче на северо-восток. Наконец под парусами, а вечером отсталиками в дрейфе, Трудно проплыть эту лоденею в рыхлых нимфах (затвердевшая ледянная каша). С каждым днем мороз все крепчал. Лед становился плотней. На пятый день к вечеру видно стало, что не пробраться дальше. Заночевали, а к утру так умэрзли, что ни о каком продвижении не могло быть и речи. Утром кто-то из ребят выбросился на матчу поглядеть, не видать ли разводья впереди, да, кстати, нет ли где лазов зверя.

— Ну, как—видишь что?

— Кажись, вода близко, серест что-то.

— А зверь?

— Зверя не видать.

Раз есть близко разводье, не сидеть же на месте в ожидании, когда разойдется лед, надо пробираться вручную.

— Ну, голубки, айда окальваться!—скомандовал кормчий.

Вооружившись пешими (ложами), которые лопок высмыслили на лед. Народу много. Работы спорится. Одни пешими колот лед большими прымкуголовниками, другие подсовывают их баграю по кромке, стоя по колено в стуженной воде. Не обходится и без курьезов: опустится кто неосторожно и кирнет под лед. Утонуть не дадут, выплашат, а там беги скорей к печи греться.

Пробились все-таки, вышли к воде. За день умывались, сплюнули поверхность на боконую. Только вахтенко матчит наизусть. А работы лютей. Ветерок полул пронзительный, резкий. Еще с вечера стало свежеть. Впереди все больше рыхлых, а к ночи совсем скрипело. Ночью слышен был влажне страшный грохот. Шум ветра, треск ломающихся и напирающих слон на другое личинки помешалась в один общий гул.

— Шторм,—пробормотал кто-то из засыпавших ребят.

На тюленей

Очерк В. МАЙКОВА

— Скимает. Как бы не поломало? Лодченки так и скрипят,—замечает сосей по нар.

Плохо спитя в такие ночи.

— Наша выдержит,—отвечаете нехотя и снова стараешься заснуть.

Пол утра раздался оглушительный треск. Затрахотело, застонало совсем близко. Это лед ломал, скатые, как в тиски, слабые тюленены. Те, что стояли ближе, настригли на соседние, громоздились на них. Все проснулись, где тут сва^а—вечальная картину: три лодки

а другое тоже потерпели аварию

пропали, у которой корама на

гали аварийны, а с тех, что лая на руку

страга, распределили команда р-ханка злек-

Ну, промелькнул ум пропал

ало его имени.

Потом, как выплыли на водугое возло-

разводы группами. Тут скоро ѿ ему руку

Укрылись за бугор (ледяная гора, пошли на

Тут скоро ѿ ему руку не стесняясь

охотники вскрыли 15-ю лодку по

чучкам (снаряды) убитого зверя, инфаркт. Смотри,

зарас. А вечером субботы у почки

чтальщиками охоты, пока как (позар)

Симфония холливудский ужин,—а тюленник

в редких барышни похлебка и пшеничная маша. Бездны

ужин,—охотникам за это время наговоры бежит

— Прощали мы с Василием,—расказывал старый, бывалый охотник,—верт делай. Что за

оказия, думаю, нет зверя? Хотел уж вертаться

по другому направлению, глядь, впереди что-то

синеет. Стоя, говорю, верно лаза.¹ И в самом деле—

лаза, поодаль другая. Залезли мы с ним за хран,

шомполку держу ногатов, идем. Вот вижу поки-

запасла голова тюленя. «Пали!»—щелкнул Василий.

— Погоди, говорю, не убьешь; видишь, пря-

мо на нас смотрят. Надо побояться, когда затыль-

ков повернется. Ну, зверь глупый—надоест под

водой сидеть, вылезет, а тут его—бах!

Лед покрасил. Я бросил ружье Василию, а сам с багром

побежал к лазе. Тюленя чуть не ушел под лед,

насилу вытащил. Дальше пошло успешней: это

ти шаг, то лазка. Лазяша за хран и деринши под

обстрелян несколько лазов сразу. Набилось с Васи-

лием штук 40. Сперва на кусаки (лимон) таскали,

а потом на под силу стало, переваливали на чучки.

— Нам более постыдились,—отозвалась дру-

гой охотник. Мы сразу начали на замерзшие лазы,

а вокруг них чуть не целий косяк беляков.² Успе-

лашь только багром бить. Словно кумачек покрыл-

ся лед.

1 Круглое отверстие во льду, откуда тюлень

вылезает, чтобы подышать воздухом.

2 Детеныш тюленя.

Двух или од-
номачтовые
деревянные
лодки соста-
вляют фло-
тилию для
тюленного
промысла

Во льду синеет лазка зверя

— А не жалко детеныш-то бить?—укоризненно бросил кок. Охотник смущлся, чувствуя некоторую неловкость.

— Они ведь не чувствуют, сразу на смерть бьешь.

— Что-то, вот, тулупок³ не видать,—отозвался малоопытный охотник.

— Ишь чего захотел! Рано еще. В конце февра-

ляне глядят на берега, боятся глядеть на

берега, боятся заснуть, боятся вспомнить про

людей неподвижностью и молчанием. Каждый боялся проронить хоть один звук.

Лодку медленно несло течение.

Через три дня была объявлена война.

ГЛАВА VI

Невероятное приключение Джона Бильсона

Джек Кенингам, ближайший союз Фильоона по работе, с некоторым пор считался верным кан-
дидатом в сумасшедший драм. Рабочий темп, пови-
димому, окончательно завладел им и не оставил
его и в мысль о маленьком, или еще более известный процент
корыстному, как верховоду.

Хотя и приблыльный тюленев промысел, а ве-
дется он на Каспии до сих пор привычным кустар-
ним способом. Нет там больших судов-лодок,
нет и винтовок-магазинов. Двух или одиннадцати
деревянных лодок, дробовая шомполка да ба-
геров и все с чем спрятались каспийский зверобой
на опасный промысел. Хорошо, если лодка вывер-
нит зажим льдов, а то и останься непричем.

³ Подросток тюленя.

Г О Л Ь Ф

— ... Три предложения, не знаю, кого выбирать...

Он и сел возле меня.

— Что если вас давно не видно, Ирочка?
— Как давно?
— Вчера вас в саду не было.
— А я в зоологическом ходила.
— Разве туда вечером пускают?

— Ну да, там электричество.

— Что же вы там делали?

— А сплонов раскачивали.

Вдруг он прыснул, и все за него. Ленка меня

дергает, шепчет:

— Дура, ты неприличное сказала!

А я громко:

Над Москвой витало солнце, солнце яркое, на небе, засияло город печатными листами. Четыре из них, от людей в этот ранний час переполнили улицы другого города. Теми изюминки разом и неизвестные изменились. Как радио, приемники перестраивались с одной длины волны на другую, так изюминки с темпа мирного труда переключились на темп борьбы.

Над Верхним вставало солнце. Широкая Фридрихштрасе уже была запружена манифестиантами. Багажи надземной железной дороги, автобусы, афиши колонны из движущихся трутуарах заплелись плакатами: «Последний бой», «Погибнуть или победить». «Не сдаваться и не отступать!»

Над виноградниками Шампань, над солончаками Астраханской губернии, над мощными дугами мостов Тэмзы и Сены, над вымощенным солнцем плоскогорий Кастилии, над необыкновенными пространствами Китая и над берегами Конго неутомимо кружились аэропланы, разбросанные листы провозглашений. Труяющиеся всея страны СССР жили приказом Реввоенсовета.

Старый Свет принял вызов.

ГЛАВА IV

Джон Вильсон строит плотину

Двадцать четыре часа для Джона Вильсона, работавшего на постройке плотины № 27442 (он работал во второй смене), прошли в ее цех. Это был огромный светильный зал, лишенный всяких машин. Несколько сот, может быть, тысячи человек стояли стойкими ширенгами с интервалами в один метр между каждой ширенгой и между людьми одного ряда. Джон Вильсон занял свое место. Раздались сигнальные звонок и цепь приступил к работе: она состояла в мертвом, строго ритмическом переступании с ноги на ногу. Благодаря этому накапливались вделанные в пол ноги, приводившие в движение машины. Никто из рабочих не видел этого камня и красноватого из них не знал даже, какую функцию он выполняет в общей работе. Таким образом, работа для них была так же бесмысленна, как толченые встуки в ступе или бесцельная переноска тяжестей с места на место, которую заставляли производить заключенных в некоторых тюрьмах девятнадцатого века. То же практиковалось во всех отраслях промышленности. Ни один рабочий не знал назначения той детали предмета, над которой он работал. Никто из них вообще ничего не знал о своем производстве, о работе других цехов. Многие не знали даже, каким родом производством они обслуживались. Иные никогда не видели машин, которые вырабатывались машинами при их собственности. Благодаря всему этому труду был превращен в сущую ужасную пытку, так как был лишен всякого смысла для рабочих. Но именно это входило в общую си-

— Ну, что же?

— Это так по-дли в исподвижни.

— А кто Иша?

— Ну, Ишка от нее вывернулся.

А Лариску нишь?

А Сергей визы

идет. Вовочка

но? Тогда он?

— И чего

в серое, как у

— Ну, не

немалых. А

и вспомнили.

— А то

В течение полугода Джон смотрел на экран, на котором он видел себя и весь свой юг, проходивший бесконечное перестроение с ноги на ногу. Это демонстрировалось для того, чтобы рабочие не забыли из ткани за время перерыва в работе. Темп настолько всплескался в них, что под влиянием этого кипения все находившиеся в зале (это были рабочие его цеха) невольно начинали делать движения в том же привычном для них темпе. Можно было, конечно, не смотреть на экран, отвести глаза в сторону. Но вскоре глаз встречал то же движение, никак нельзя было уйти от темпа. К тому же в зале присутствовали индемотроники.

После производственных картин были показаны драмы, комедии и ландшафты. И все это было выдержано в том же темпе.

Дик Вильсон принял домой совершенно обесцвленный. Пепи опять унес жада его. После него, освежившего из трудной темы, они опять с нутряной силой почувствовали разнобой. Невозможно было смотреть друг на друга или разговаривать. Они легли спать.

Поступить обычно в один из них было бы спасением. Однако, это было странным запрещено Советом Синдикатов, который больше всего боялся прочных союзов рабочих, в том числе семьи.

ГЛАВА V

Комсомолка Электра входит в поезд неотъемлемой частью

В городе Полоцке, Белорусской губернии, у здания высших соборов и кафедрального корпуса—большой площади. Она обсыпана по краям аллеями сирени и дроздами. На площади висят плюши—огромный цветник. Цветы белые и в красных шапочках. Они разбросаны в беспорядке. Вместе движутся по разным направлениям. Вместе деревья щебетут птицы. Цветы разговаривают, и их голоса очень похожи на птичий.

— Рам, или скопа!

— Бегу,

— Где мяч?

У меня, Роза!

Большой мяч сбрасывает с ног кого-то. Ерошевин, кое-как пытается убежать. Но упавший цветок встает и ходит. Его сбрасывают другие. Теперь уже совсем нельзя отличить цветочки от яичного щебета.

В центре площади вспыхла клубника. Цветы совсем неподвижно. Цветы со всей юности постепенно стягиваются спиралью. Вот уже здесь. Глаза широко раскрыты, на некоторых от усиленного внимания приоткрылись ротики. Тогда круглая всякая девушка, Электра. Она рассказывает про мухов. В руках у нее большая яйцеклетка. Она осторожно держит его, чтобы не сломалась. Ее продолговатые светоты от изображения.

Невинный за внешними склоняет зонтик. Паттерна неба отчаянно от всякой иной неизвестности переходили красок одна в другую. Все оттенки — от молочно-белого до желто-розового, шестнадцати гудов паровоза напомнили про зародыши дали. Ветер принес запах травы.

Электра кончила рассказ. Она посадила жук на ладонь и вытихнула руку. Жук недоверчиво прополз по краю маленькой загорелой ладони. Далее распустились черные жесткие крылья, которые покачивались немножко прозрачными крыльями, и улетел гудящим ветром.

Цветы захлопнули, сбрасывали, окружили, отшвырнули Электру. Она сидела на скамье, рабочий день кончился. Ей не хотелось расставаться с машиналью. Но звонок уже зовет их к утру. Старый генеральный дом у площади, просторнейший под детский дворец, наполняется звоном громов. Площадь пустует. Сумерки, темнота, угловатым полотном пронестятся летучие крысы. Улицы наполнены шумом гуляющей поганки.

Электра осталась одна. Сияет потягивающая, она засыпает со скамьи. Благословение исходит не то от нее, но от ее гибкого, крепкого тела. На ней чулка кремового цвета, открытые воротнички и шей. Под легкой тканью круглятся упрямые груди.

Она доволна сегодняшним днем. Утренние насторожистые игры с машинами показали, что эти присущие к четким ритмическим движениям. Ритм составлял основу своего воспитания, первых дней жизни детей привыкли к музыкальным, гармоничным, ритмическим движениям — к ритму пения и звука. Бенциончик, изображающий ритм, соответствующего напрямому процессу, привыкал к пению. Это было первое поколение, ритмическое воспитание которого прошло со всей последовательностью.

И ужем было, что результаты намечаются самые категоричные. Так уменьшилась затраты энергии, как отключено каждое движение, как усиливается чувство радости жизни, что видно было —

этим дети вырастут еще более жизнерадостными и жизнелюбивыми, чем предыдущее поколение.

Дневные занятия прошли сегодня исклю-

чительно хорошо. Все руководительницы групп единодушно отмечали по-

вышающуюся с каждым

днем интерес детей к рас-

сказкам о предметах и явлениях окружающего

мира.

Электра задумалась: может быть, и в этом проявилось влияние ритма, который организует не только физическую, но и умственную деятельность детей, повышая работоспособность их маленьких мозгов?

Электра все это важно мыслила. Ей только 21 год, но она уже советская руководительница центрального коммунального детского дома.

Сзади ее ударили по плечу, и она вздрогнула от изумления. Переворачиваясь, она увидела и помощника Майи. Она спиралась на руку своего возлюбленного—молодого механика электротехнической станции. Электра не знала его имени.

— Электра, ты хотела повидать моего возлюбленного—от он. Его зовут Радий.

Юноша крепко пожал протянутую ему руку Электры.

— Ты свободна?—спросила Майя.

— Да, уже.

— Тогда поедем покататься на лодке. Смотри, какой вечер.

Вечер в самом деле прекрасный. Симфония весенних запахов. Белая луна пьется в редких облачках. Необыкновенные просторы неба. Бездны неба и воды глядят друг на друга.

Мирно всплескивают волны. Быстро бежит, клубясь и заливаясь, темная вода под корытом. Несколько силуэтов лодок движутся вдали.

Свой чибай, Майя,—говорит Электра.

— Да, да, спой,—присоединяется и Радий, и в его голосе дрожит сдержанная нежность.

Майя молчит. Лодка входит в стопл лунного света, и другая видят, что на губах Майи змеются лукавая улыбка.

— Хорошо, я спою. Только знаешь что? Старый романес, который я слышала в детстве от матери.

И над широкой Двиной зазвучало ее упругое лирическое сопрано:

Дышала ночь востоком спас-от страсть,
Невясных дых и трепета голы.

Я вас ждала с безум'я маюй счастья
Я вас ждала и милен'и окна.

— Как это странно и противно...—медленно заговорила Электра.—Так люблю когда-то, двадцать тридцать лет назад. Тогда еще было очень много любви, любви к людям, любви к природе, кроме вот такой склонной любви... «Ждала в милой утеше». Как мне жаль их. Мы тоже умеем любить, и еще! Но мы и работаем беззатратно и с наслаждением. Наша жизнь так же богача их жизни, как клавиатура рояля богача трехструнной балалайки.

— Но и тогда уж...—отозвалась Радий.—было много женщин, работавших и любивших свою работу.

— Конечно. Но далеко не все. И знаешь... она всегда засыпалась... ведь тогда многие мужчины искренне уверяли, что женщины от работы теряют женственность и изящество. А ну, посмотрите на меня, Радий, так ли это?—спросила она, задорно склонив голову.

Радий с восхищением склонил взглядом ее спортивное лицо. Тело же не отставало от ее прелестного лица и особой красотой, не от ее велико бесконечной женственности лаской энергии и долей к жизни. Продолжавшие глядеть в темноте.

— Ты почти как же прекрасна, как моя возлюбленная...убежденной отвечала юноша.

Электра рассмеялась. Ее переполняла радость жизни и еще какое-то неясное чувство, безответное, неопределенное и беспредметное отремление.

Лодка на обоих берегах темнела бефорицкой массой. Где-то близко защелкал соловей. Ощаровательная молодость его несломленного пения сковала

любой неподвижностью и молчанием. Каждый боялся проронить хоть один звук.

Лодку медленно несло течение.

Через три дня была объявлена война.

ГЛАВА VI

Невероятное приключение Джона Вильсона

Джек Кеннингтон, ближайший сосед Вильсона по работе, с некоторой нервностью ворвался в верный кабинет в сумасшедшем доме. Работники, суетливо, покинувшие кабинет, вновь ворвались в помещение, окончательно завладев им и не оставляя его ни на минуту. В нерабочее время на него было невыносимо тяжело смотреть. Кажется его движение, каждый жест был точно согласован с этим тягостным бесконечно надеяншим темпом. Его угрюмый взор был туп, неподвижен и лишен малейшей проблеска мысли или чувства. Товарищи наблюдают за обществом. Да и не от чего было не выносимо тяжело смотреть на человека, кто с ним говорил. Тогда же, когда из уст человека сквозь его опустошенный мозг сорхалась едва ли десяток слов, самых назидательных и несложных: да, нет, пожалуйста, благодарю и тому подобные. Ужасная работа, очевидно, совершилась в его душе, как паук выпивает кровь из мыши. Но ведь, захващенные тело мыши, висящее в паутине, сохраняет свою форму. Так сохранился и Вильсон, и к тому же, впротивоположность Кеннингтона, он не потерял из своей работоспособности. Был вынужден только соизнательные функции мозга. Рабочий превратился в полном смысле слова в машину.

Оннако, администрация не торопилась отправлять его в сумасшедший дом. Он был совершенно безредиен, а в работе—даже идеален, ибо механизировался до последней степени. Таких жертвами ¹ немало попадали среди рабочих Америки. Из соседям по работе было жутко смотреть на них, так как, помимо производимых ими тяжелого впечатления, их вид напоминал каждого рабочему о грозившей ему самому и весьма правдоподобной участи.

Джек, смотревший поэтому старался никогда не встречаться взглядом с таким видом спасения. Но порой он украдкой взглядал на него, и Кеннингтон, вновь еще более убеждался в том, что Кеннингтон окончательно и бесповоротно превратился в живой автомат. Его взгляд был неизменно туп и неподвижен, казалось, он ничего не видит перед собой.

Но однажды, неожиданно повернувшись в сторону Кеннингтона, Вильсон был поражен угрюмым взглядом, явно наблюдавшим за ним, и Вильсон мог сказать, что взгляд Кеннингтона в этот момент был вполне осмысленным. Как только Кеннингтон заметил, что на него обратили внимание, он с清澈 же потушил свой взор. Это произошло столь молниеносно, что Вильсон решил, будто ему показалось. Но это не было необычной переменой в сознании. Но скоро он убедился, что это не так: с того дня ему нередко удавалось уловить устремленный на него внимательный взгляд Кеннингтона.

(Продолжение следует)

¹ Их можно назвать живыми, но никак не инакими неодушевленными. Примечание автора

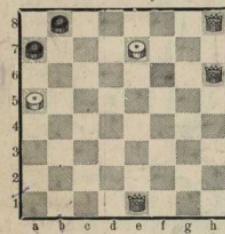
ШАШКИ

Под редакцией В. В. МЕДКОВА

Задача № 3

В. ШУМИЛИН (Краснодар)

Печатается впервые

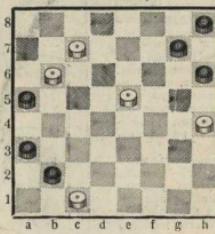
Белые: Д. e1, h6, h8; пр. a5, e7.
Черные: пр. a7, b8.

Белые начинают и выигрывают.

Этюд № 5

И. ЧЕРНИКОВ (Москва)

Печатается впервые

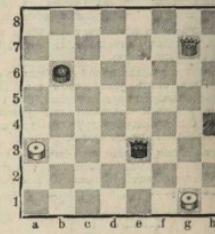
Белые: пр. b6, c1, c7, e5, h4.
Черные: пр. a3, a5, b2, g7, h6, h8.

Белые начинают и выигрывают.

Этюд № 6

А. МИШИН (Сергиев)

Печатается впервые

Белые: Д. g7; пр. a3, gl.
Черные: Д. e3; пр. b6.

Белые начинают и выигрывают.

Партия № 7

Москва. Ц. Д. Рабис, квалификационный турнир в 1927 г.

Г. Д. Зубык
(Белые)

Л. С. Бартен
(Черные)

1. e3—b4
2. b2—c3
3. e3—f4

Данные чаще играют 3. e3—d4, и если h5—g5, то 4. e3—h4 и если далее g7—h6, то получается равная игра и одинаковое расположение шашек. Использовать эту партию можно для того, чтобы получить такую партию: 5. b4—b5, g5—f4; 6. b2—g3, c7—b6; 7. a3—b4, h5—g5; 8. a1—b2, h8—g7; 9. b2—a3, g7—h6; 10. g1—f2, b8—c7; 11. f2—e3, c7—d6; 12. c1—b2, f8—g7;

13. e1—f2, d8—e7 и у белых запасы все 12 шашек! Кто начнет, тот и проиграет!

3. ...
4. h2—f4
5. c1—b2?

Возможно, этот ход и погубил белых. Следовало играть 5. b4—c5, и игра была бы приблизительно равна.

5. ...
6. b4—c5

Нам кажется, что положение белых настольно стеснено, что никакие другие ходы не спасали их партии.

6. ...
7. c3—e5

13. a3—c5
9. b5—e7
10. c3—c5

Сдался.

e7—d6
d3—d4
g5—e7

РЕШЕНИЯ

Этюд № 2, А. С. Годун

(Бел. Д. g1; пр. d4, e5, 55. Черн. Д. d5, h5; пр. e5, 56. Выигрывает)

то 2. d5—d6, h5—al (конь 1... h5—b2 или с5—b2, e5—d6, h5—al и выигр.); 2. d6—e5, 3. a3—f4; 4. g1—h5 и выигрывают.

Решения прислали: Н. Михалевич (Новосибирск), А. Кацман (ст. Павелец, Р. У. ж. д.), Н. Богатов (Ново-Сибирск), Л. Рубинштейн (Ленинград), Н. Шеломенцев (ст. Голицыно, В. Е. ж. д.).

Издательство ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая пл., 6

НОВИНКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

„МОЛОДОСТЬ“

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ ГРУППЫ ПИСАТЕЛЕЙ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

СОДЕРЖАНИЕ: Рингов, Б.—Еоль, роман. Жаров, А.—Стихи от бесконечных. Юрин, М.—Время, стих. Хвастунов, Г.—Пушкину, стих. Светозаров, В.—Доски, поэзия. Жаров, Я.—Симоновская, стих. Медников, И.—Елена Зеленина, поэма. Платошкин, М.—Чужака, рассказ. Огурцов, С.—В лунной тишине, стих. Долин, В.—Смерть, стих. Малахов, А.—Приключения севера, стих. Ракин, И.—Прощай, жена! Глава из романа. Кувшинов, В.—Фомка Ногородовский, рассказ. Тихонов, В.—Гебенку, стих. Шаховских, М.—Микогоян, рассказ. Сельвинский, И.—Записки поэта. Колесов, М.—Бараш, рассказ. Рубинский, И.—О порядке и энтузиазме. Шлюковский, В.—Борис за форму. 322 стр. Ц. 2 р. 2 к.

Малахишин, Сергей.—Две войны и два мира. Кн. I-я.

Первая из ягости книг романа.—Фогин 1905—1906 г.г., в частности Петербург. Из всех слов общества вербуются новые революционеры—пролетари и беляши. Жизнь рабочих, янтарных событий 1905 г., гапоновина, подпольная работа, быть боксерами и офицерами. Среди прочих действующих лиц выведен Победоносце. Гл. IV. «Гафаски девушки Трофима—водный и он—о том, как наизнанки барина, задири до девок, и как герой рассказа участвовал в событиях 1 марта.

269 стр. Ц. 2 р.

Ц. 1 р. 10 к., в папке

Его же.—Непонятное явление. Гассказы.

Юмористические рассказы про гравийную супенцию («Плохой мастер»), про горе-коллегаторов («Честный коллаж»), про Непонятное явление («Семена», «Крепкие нервы»), про обывателей, ругающих поклоняющихся им, в которых сами виновники («Иродово племя», «Хулиганство») и т. п.

125 стр. Ц. 50 коп.

Кожевников, А.—Золотая голубы. Роман. 412 стр. Ц. 2 р. 75 к.

Романов, Пантелеймон.—Право на жизнь или проблема беспартийности. Со вступительной статьей М. Б. Вольфсона. Об Останкиных. Ц. 1 р. 10 к., в папке

Его же.—Непонятное явление. Гассказы.

Юмористические рассказы про гравийную супенцию («Плохой мастер»), про горе-коллегаторов («Честный коллаж»), про Непонятное явление («Семена», «Крепкие нервы»), про обывателей, ругающих поклоняющихся им, в которых сами виновники («Иродово племя», «Хулиганство») и т. п.